ВИКТОРЪ РУСАКОВЪ

ЗНАМЕНИТЫЯ РУССКІЯ ДѢВУШКИ

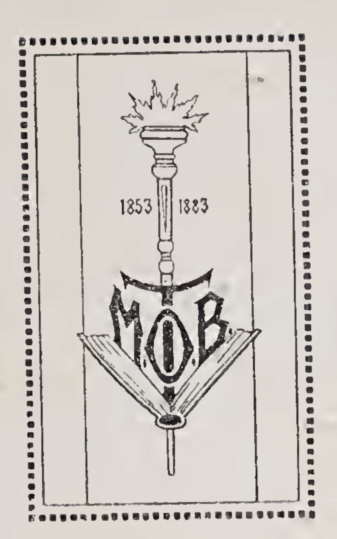
БІОГРАФ. ОЧЕРКИ

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С-ПЕТЕРБУРГЪ-МОСКВА

Безплатное приложеніе къ журналу «Задушевное Слово».

(Продолженіе см. стр. 3 обложки).

1853 1883
MOB

КНИГИ ВИКТОРА РУСАКОВА,

изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

Русскіе Колумбы и Робинзоны. Біографическіе очерки. 16 д. л. 146 стр. Съ илл. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣд. Мин. Нар. Пр. и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни (Отз. 05. 28. II).

Главнымъ управленіемъ военно-учебн. заведеній рекомендовано для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (Отз. 05. 6. XI).

Русскіе изобрѣтатели. Біографическіе очерки. 16 д. л. 114 стр. Съ илл. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и включено въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ (Отз. 09. II).

Русскіе первенцы. Біографическіе очерки. Съ портретами и рисунками. 16 д. л. 92 стр. Ц. въ перепл. 95 к.

Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетъ VI—VII классовъ (Отз. 09. 5. V).

ЗНАМЕНИТЫЯ
РУССКІЯ ДѢВУШКИ

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ВИКТОРА РУСАКОВА

Съ портретами и рисунками

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Петербургъ • Москва •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб·домъ·

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе жизни великихъ людей убѣждаетъ, что задатки ихъ геніальности, ихъ талантливости, равно какъ и тѣхъ или другихъ личныхъ ихъ достоинствъ, доставившихъ имъ славу, извѣстность или, по крайней мѣрѣ, признательность общества, проявляются большей частью уже въ юности, а иногда и въ раннемъ дѣтствѣ.

Дѣтство, а въ особенности юность именно и есть то время, когда складывается характеръ человѣка, развивается его умъ и развертывается постепенно вся его духовная сторона.

Поэтому большой интересъ представляетъ описаніе дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ знаменитыхъ людей. И тотъ, кто хочетъ вполнѣ понять жизнь такихъ людей,—будь это ученые, писатели, артисты, музыканты, общественные дѣятели, даже просто

выдающіеся благотворители, — долженъ хорошо ознакомиться съ ихъ дѣтствомъ и юностью, насколько сохранились свѣдѣнія о послѣднихъ.

Особенный, конечно, интересъ дѣтскіе и юношескіе годы такихъ людей представляютъ для юныхъ читателей, которые во многихъ случаяхъ въ описаніи дѣтской и юношеской жизни будущихъ знаменитостей могутъ найти цѣнныя указанія, могутъ почерпать изъ нихъ нерѣдко примѣры, что только упорнымъ трудомъ надъ развитіемъ врожденныхъ способностей возможно достигнуть славы.

Это въ одинаковой мѣрѣ относится и къ мужчинамъ, и къ женщинамъ.

Существуетъ довольно много книгъ, въ которыхъ собраны свѣдѣнія о юношахъ, ставшихъ впослѣдствіи знаменитыми. Но подобной книги о дѣвушкахъ, прославившихся впослѣдствіи въ качествѣ выдающихся женщинъ, до сихъ поръ не было. И въ особенности не было и нѣтъ книги, въ которой были бы собраны такія свѣдѣнія о знаменитыхъ р у с с к и х ъ дѣвушкахъ. Пополнить до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ и дать въ руки юныхъ читателей и читательницъ рядъ сжато изложенныхъ, частью въ полубеллетристической формѣ, біографическихъ очерковъ и разсказовъ о знаменитыхъ русскихъ дѣвушкахъ — составляетъ цѣль настоящей книги.

Во всѣхъ этихъ очеркахъ и разсказахъ особенно выдвинуты и подчеркнуты тѣ моменты, когда въ юныхъ жизняхъ уже проявлялись проблески либо выдающагося дарованія, либо замѣчательнаго трудолюбія, либо необыкновенной любви къ той или другой отрасли дѣятельности, которыя создали впослѣдствіи громкую славу или извѣстность данной дѣвушкѣ, когда она стала взрослою женщиною. При этомъ, однако, разсказы не ограничиваются описаніями одного только дѣтства; въ нихъ изложенъ—въ сжатомъ видѣ и въ общихъ чертахъ — и дальнѣйшій ходъ жизни, показаны заслуги, создавшія славу и извѣстность будущимъ дѣятельницамъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и въ различныя эпохи.

Кромѣ того, сюда включены такія русскія дѣвушки, которыя прославились исключительно только какимъ-нибудь однимъ подвигомъ, совершеннымъ въ юные ихъ годы, и затѣмъ въ дальнѣйшей жизни уже ничѣмъ болѣе себя не проявляли.

Собранные здѣсь біографическіе очерки составляютъ первую пока серію намѣченныхъ знаменитыхъ дѣвушекъ, число которыхъ весьма значительно и обнимаетъ почти всѣ отрасли науки, искусства, общественной и государственной жизни.

Очеркамъ намѣренно придана возможно краткая, сжатая форма, а сообщаемыя свѣдѣнія ограничи-

ваются лишь главнѣйшими данными, ибо они должны служить толчкомъ къ болѣе подробному изученію жизни той или иной дѣятельницы, почему либо заинтересовавшей юнаго читателя или читательницу.

СОНЯ-МАТЕМАТИЧКА.

Въ барскомъ домѣ отставного генералъ-лейтенанта Корвинъ-Круковскаго, въ деревнѣ Палибино, Витебской губ., въ одной изъ комнатъ, такъ-называемой „классной“, за столомъ сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти, маленькаго роста, худенькая, но довольно полная въ лицѣ, съ коротко-обстриженными вьющимися волосами каштановаго цвѣта, съ необыкновенно выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ и красивыми и блестящими глазами.

Дѣвочка сидѣла надъ тетрадью, въ которую она такъ углубилась, что не замѣтила, какъ дверь тихо открылась, и на порогѣ показался высокій, немолодой уже, скромно одѣтый человѣкъ, съ той особенной внѣшностью и жестами, которые сразу выдаютъ педагога.

— Довольно, Соня,—обратился онъ къ дѣвочкѣ,—вы потомъ рѣшите эти задачи.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Іосифъ Игнатьевичъ,—живо отвѣтила дѣвочка. — Это очень интересныя

задачи, и мнѣ бы не хотѣлось уйти, пока я ихъ всѣ не рѣшу...

— Но вѣдь вы уже ихъ рѣшили, — замѣтилъ ея собесѣдникъ, заглядывая въ тетрадь,—и рѣшили совершенно вѣрно, — прибавилъ онъ довольнымъ голосомъ.

— Да, но я рѣшила только однимъ способомъ, а мнѣ хочется попытать, нельзя ли ихъ рѣшить еще иначе,—отвѣтила дѣвочка.

— Это придется отложить до другого времени,—возразилъ высокій господинъ.—Уже подано къ столу, и вы знаете, что вашъ отецъ любитъ аккуратность.

Дѣвочка неохотно положила перо, закрыла тетрадь и направилась въ столовую, гдѣ уже за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ.

— Ну-съ, какъ идутъ твои уроки по ариѳметикѣ?—встрѣтилъ ее вопросомъ сидѣвшій за столомъ полный, сѣдой генералъ.

— Хорошо, папа, — скромно отвѣтила дѣвочка.

— И не только хорошо, но превосходно. У Сони положительно и любовь, и способности къ ариѳметикѣ,—прибавилъ тотъ самый высокій господинъ, который прервалъ занятія дѣвочки.

— Вотъ странно,—замѣтилъ генералъ,—еще недавно она на мой вопросъ отвѣтила мнѣ, что не любитъ ариѳметики, а теперь вдругъ Соня стала математичкою, у нея оказались и способности къ ариѳметикѣ, и любовь... Ну, ну, Соня, продолжай учиться. Ариѳметика полезная наука.

Дѣвочка была Софья Васильевна Корвинъ-Круковская, впослѣдствіи, по мужу Ковалевская, одна

Софья Ковалевская.

изъ знаменитѣйшихъ женщинъ математиковъ, профессоръ математическихъ наукъ, удостоенная цѣлаго ряда наградъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ. А высокій господинъ, прервавшій ея занятія,—это

былъ ея первый учитель математики Іосифъ Игнатьевичъ Малевичъ.

Уже въ ранніе годы у Сони проявились необыкновенныя способности къ математикѣ. Учитель не могъ достаточно нахвалиться и способностями, и прилежаніемъ своей ученицы. Любовь къ математикѣ поддерживалась еще у дѣвочки разговорами съ пріѣзжавшимъ нерѣдко въ Палибино ея дядей. Этотъ дядя принадлежалъ къ числу людей, любящихъ трудныя, замысловатыя математическія задачи и вообще математическую науку, и охотно цѣлые часы проводилъ съ даровитою племянницею, раздѣлявшей его вкусы.

Какъ то разъ въ Палибинѣ приступили къ оклейкѣ комнатъ новыми обоями, при чемъ въ одной изъ дѣтскихъ комнатъ, вслѣдствіе недостатка обоевъ, стѣны, оклеили листами литографированныхъ лекцій по математикѣ проф. Остроградскаго, пріобрѣтенныхъ отцомъ дѣвочки еще въ молодости.

Соня заинтересовалась этими листами на стѣнѣ. и цѣлые часы проводила въ созерцаніи ихъ, пытаясь разобраться въ нихъ. Отъ долгаго созерцанія внѣшній видъ многихъ формулъ врѣзался сильно въ ея памяти, да и самый текстъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ мозгу ея.

Въ 1867 году Корвинъ-Круковскіе переселились въ Петербургъ, и Соня, тогда 15-лѣтняя дѣвушка, стала брать уроки геометріи у извѣстнаго преподавателя математики А. Н. Страннолюбскаго, съ твердымъ намѣреніемъ уѣхать затѣмъ

за границу, поступить тамъ въ университетъ и посвятить себя всецѣло изученію высшихъ математическихъ наукъ. Осуществленіе этого намѣренія ускорилъ выходъ юной математички замужъ за молодого натуралиста, впослѣдствіи профессора Московскаго университета, В. О. Ковалевскаго, съ которымъ она, тотчасъ послѣ свадьбы, уѣхала за границу. Тамъ, сначала въ Гейдельбергѣ, затѣмъ въ Берлинѣ, она слушала лекціи знаменитѣйшихъ въ то время профессоровъ математики, удивлявшихся способностямъ и знаніямъ рѣдкой ученицы.

Постепенно бывшая скромная „Соня-математичка“,—какъ ее называлъ отецъ и первый ея учитель Малевичъ, — пріобрѣла среди ученыхъ громкую извѣстность рядомъ цѣнныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и шведскихъ спеціальныхъ математическихъ изданіяхъ.

Слава молодой русской женщины-математика росла не по днямъ, а по часамъ. Совѣтъ Геттингенскаго университета удостоиваетъ ее высшей ученой степени—доктора математики; французская академія наукъ награждаетъ ее преміею; Московское математическое общество избираетъ ее въ свои дѣйствительные члены.

Въ апрѣлѣ 1883 г. у Софьи Васильевны умираетъ мужъ, не оставляя вдовѣ съ ребенкомъ никакихъ средствъ. Какъ разъ въ это время въ Стокгольмскомъ университетѣ открылась каѳедра математики—и эта каѳедра, благодаря содѣйствію

цѣлаго ряда ученыхъ, была предоставлена Ковалевской; фактъ совершенно исключительный и небывалый! Не зная твердо по-шведски, Ковалевская первый годъ читала свои лекціи по-нѣмецки и въ то же время усердно упражнялась въ шведской рѣчи, и уже во второмъ году овладѣваетъ настолько шведскимъ языкомъ, что не только читаетъ лекціи на этомъ языкѣ, но пишетъ по-шведски ученыя изслѣдованія по математикѣ.

Слава ея между тѣмъ, какъ математика, растетъ все больше и больше: она удостоивается за свои работы цѣлаго ряда премій отъ парижской и стокгольмской академій.

Любовь къ математикѣ была у Ковалевской удивительная. „Въ жизни все кажется такимъ блѣднымъ и не интереснымъ; нѣтъ ничего лучше математики,“ — писала она своимъ близкимъ, все свое время отдавая любимой наукѣ.

Смерть, послѣдовавшая 29 января 1891 года, прервала ученую дѣятельность бывшей „Сони-математички“ въ самый ея разгаръ.

Будучи ученой, Ковалевская не чуждалась, однако, жизни, горячо относилась ко всему, что окружало ее, любила все изящное и обладала выдающимся литературнымъ талантомъ. Она написала рядъ разсказовъ изъ русской жизни на шведскомъ языкѣ, воспоминанія и проч.

Въ математику Ковалевская внесла цѣлый рядъ новыхъ идей, новыхъ мыслей, новыхъ теорій, которыя послѣ ея смерти разработали другіе математики. Задатки тѣхъ геніальныхъ способностей,

которыя доставили Ковалевской вѣчную славу, проявились, какъ мы знаемъ, у нея еще въ дѣтствѣ и не малая заслуга ея въ томъ, что она не дала заглохнуть этимъ способностямъ, что упорнымъ трудомъ развивала свои познанія, твердо и стойко стремясь къ намѣченной цѣли.

ПАРАША-СИБИРЯЧКА.

Военный судъ въ г. Елизаветградѣ, Херсонской губ., въ 1798 году приговорилъ прапорщика Григорія Лупалова къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ и дворянства.

Какъ ни увѣрялъ Лупаловъ въ невиновности, какъ ни клялся, что его обвиняютъ въ преступленіи, котораго онъ не совершилъ—судъ, ссылаясь на то, что улики были на-лицо, все же призналъ его виновнымъ.

— Что будетъ съ моей бѣдной дочуркою! — всхлипывая заявлялъ осужденный.—Съ кѣмъ я ее оставлю!

— Папочка, не безпокойся,—возразила бойко 13-лѣтняя дѣвочка Параша. — Я послѣдую за тобою въ Сибирь, я не разстанусь съ тобою.

Дѣйствительно, дѣвочка послѣдовала за отцомъ, бодро раздѣляя его заточеніе. Мѣстомъ ссылки Лупалову была назначена глухая деревня близъ Ишима, Тобольск. губ., гдѣ ему пришлось жить въ бѣдной, полуразвалившейся избушкѣ, на тѣ

гроши, которые ему отпускались, какъ ссыльному, изъ казны. Параша приняла всѣ заботы по хозяйству: мыла бѣлье, готовила кушанье, ходила за огородомъ. Не легко все это было для молоденькой дѣвушки, но она съ покорностью переносила тяжесть своего положенія, мечтая лишь о томъ, чтобы ее отпустили въ Петербургъ, гдѣ она надѣялась исходатайствовать у государя помилованіе отцу. „Пойду, брошусь къ ногамъ государя и выпрошу прощеніе“,—говорила она.

Замыселъ идти въ Петербургъ все сильнѣе и сильнѣе развивался въ умѣ Параши, хотя она знала, какое громадное разстояніе отдѣляло глухое село Тобольской губ. отъ Петербурга.

Когда Параша разсказала отцу о своемъ намѣреніи, тотъ сначала и слышать не хотѣлъ объ этомъ, дорожа ея присутствіемъ и находя въ ней послѣднюю отраду своей жизни. Долго не соглашался отецъ, долго объяснялъ ей трудность и дальность пути, и безнадежность исполненія задуманной затѣи, но Параша не уступала. И отецъ въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ дать свое согласіе.

Изъ Тобольска въ Петербургъ Параша рѣшила добраться пѣшкомъ, такъ какъ всѣ ея средства заключались въ... одномъ рублѣ.

Хотя дорога для одинокой дѣвушки представляла непобѣдимыя затрудненія, она смѣло отправилась въ путь, съ твердою надеждою, что ей удастся осуществить затѣю, добраться до Петербурга и выпросить у государя помилованіе.

Питаясь въ пути подаяніемъ, Параша добра-

лась до Екатеринбурга, гдѣ ей пришлось остаться нѣкоторое время въ надеждѣ попасть даромъ на пароходъ, уходившій въ Вятку. Время невольнаго пребыванія въ Екатеринбургѣ Параша употребила на то, чтобы научиться грамотѣ, которой она не знала: ея отецъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ дать дочери никакого образованія...

Изъ Вятки до Казани и дальше Парашѣ опять пришлось идти пѣшкомъ.

Наконецъ 5 августа 1804 г. она достигла Петербурга, пройдя около четырехъ тысячъ верстъ!

Когда въ Петербургѣ ее спрашивали, какъ она не боялась пуститься въ далекій путь, не имѣя ни денегъ, ни поддержки, она увѣренно отвѣчала:

— Ради чего было бояться? Я знала, что Богъ не оставляетъ несчастныхъ.

А когда ее хвалили за необыкновенный подвигъ, она скромно отвѣчала:

— За что меня хвалить? Развѣ дочь не должна все терпѣть для отца?

Но если труденъ былъ путь изъ Сибири пѣшкомъ въ Петербургъ для одинокой, безвѣстной дѣвушки, то еще труднѣе было попасть въ Петербургѣ во дворецъ, къ государю. Къ счастью, Параша нашла покровительницу, особу, славившуюся христіанскою любовью къ бѣднымъ и несчастнымъ. Эта особа познакомила Парашу съ однимъ сенаторомъ, который, узнавъ о самоотверженности, непоколебимой волѣ и настойчивомъ рѣшеніи дѣвушки спасти отца, обѣщалъ употребить всѣ уси-

лія, чтобы доложить о ней императору Александру Павловичу. И онъ исполнилъ обѣщаніе.

Императоръ, „во вниманіе къ добродѣтели дочери“, дозволилъ сосланному Лупалову возвратиться въ Елизаветградъ. Кромѣ того, онъ пожаловалъ дѣвушкѣ двѣ тысячи рублей. Вся царская семья тоже приняла участіе въ замѣчательной дѣвушкѣ, вѣсть о подвигѣ которой вскорѣ разнеслась сначала по Петербургу, а затѣмъ и по всей Россіи.

„Параша - сибирячка“ — какъ ее прозвали— сдѣлалась извѣстною, впрочемъ, не только въ Россіи: о ней заговорили и за границею. Ея скромное имя появилось на страницахъ всѣхъ газетъ, съ подробнымъ описаніемъ ея путешествія. Французская писательница г-жа Котень написала особый романъ, п. з. „Елисавета или примѣръ дѣтской любви“, въ которомъ былъ разсказанъ подвигъ Параши. Другой романъ изъ ея жизни былъ написанъ извѣстнымъ французскимъ писателемъ Ксавье де-Местромъ, п. з. „Параша-Сибирячка“. Первый изъ этихъ романовъ читался очень усердно, а второй и до сихъ поръ читается — и взрослыми и юношествомъ.

Скончалась Лупалова въ Петербургѣ, въ 1809 г., на двадцать пятомъ году жизни.

КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА.

Въ числѣ юныхъ воиновъ русской арміи, выдѣлившихся своею храбростью и смѣлостью во время войны русскихъ съ французами, въ царствованіе императора Александра I, обращалъ на себя вниманіе совсѣмъ молоденькій, лицомъ похожій на дѣвушку, корнетъ Литовскаго полка, Александръ Андреевичъ Дуровъ.

Подъ именемъ Александра Дурова скрывалась дѣвушка, дочь сарапульскаго городничаго, Надежда Андреевна Дурова. Но объ этомъ долгое время никто не зналъ, не знало ни начальство корнета, ни его товарищи—знала одна только Дурова.

Движимая любовью къ родинѣ и желаніемъ сражаться въ рядахъ арміи, Дурова шестнадцатилѣтней дѣвушкой оставила родительскій домъ и поступила на военную службу, а когда началась война, смѣло пошла въ бой. Уже съ самаго ранняго дѣтства Надя Дурова проявляла любовь къ военному дѣлу. Отецъ ея, раньше нежели сталъ городничимъ, былъ ротмистромъ въ гусарахъ, и

Надя все свое дѣтство провела среди военныхъ людей, воспитывалась среди солдатъ, привыкла

Надежда Дурова въ дѣтскіе годы ея жизни.

(Со стариннаго литографированнаго портрета).

еще ребенкомъ къ солдатской жизни. „Сѣдло,— разсказывала она впослѣдствіи,—было моею первою колыбелью; лошадь, оружіе и полковая музыка—первыми дѣтскими игрушками и забавами“.

Когда отецъ вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто городничаго въ г. Сарапулѣ, Вятской губ., Надя, усвоившая себѣ привычки и наклонности рѣзваго мальчика, не могла свыкнуться съ новою жизнью и только и мечтала о томъ, какъ бы опять попасть въ военную среду.

Твердо рѣшивъ осуществить свое намѣреніе, она стала готовиться къ нему: употребляла всѣ способы выучиться ѣздить верхомъ, уговорила отца подарить ей черкесскаго жеребца, стала упражняться въ стрѣльбѣ изъ ружья и т. п., продѣлывая всѣ упражненія большей частью тайкомъ отъ родителей, въ особенности отъ матери, относившейся къ ней строго и порицавшей всѣ „мальчишескія" выходки странной дѣвушки.

Въ то время—это было въ 1806 году—въ Сарапуль пришла казачья сотня; получившая распоряженіе двинуться къ западной границѣ. Надя рѣшаетъ бѣжать съ этой сотнею и, какъ разъ въ день своихъ именинъ, 17 сентября, переодѣвшись въ заготовленный казачій „униформъ" и обрѣзавъ локоны, сѣла, никѣмъ не замѣченная, на своего жеребца и пустилась вдогонку за казачьей сотней. Пріѣхавъ на разсвѣтѣ къ мѣсту казацкой дневки, Надя обратилась къ полковнику казачьяго полка съ просьбою помочь ей попасть въ ряды войскъ, при чемъ назвалась Александромъ Андреевичемъ Дуровымъ, сыномъ дворянина.

Полковникъ позволилъ ей ѣхать со своимъ полкомъ до того мѣста, гдѣ она могла приписаться къ одному изъ полковъ, такъ какъ въ

казаки ей, не урожденному казаку, поступить было нельзя.

Надежда Дурова въ 1810 г.

(Со стариннаго литографированнаго портрета).

Съ полкомъ Дурова прибыла въ Гродно, гдѣ и поступила на службу въ Коннопольскій уланскій полкъ подъ именемъ Александра Дурова и стала усердно изучать военное дѣло, съ несокру-

шимой волей и энергіей. Молоденькаго уланчика, въ которомъ никто и не подозрѣвалъ дѣвушку, въ полку сразу всѣ полюбили.

Съ Коннопольскимъ полкомъ Надя участвовала, въ качествѣ простого солдата, въ сраженіяхъ съ французами при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ, всюду обнаруживая беззавѣтную храбрость. Награжденная солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ и произведенная въ офицеры, она перешла затѣмъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ, гдѣ продолжала выдавать себя за мужчину.

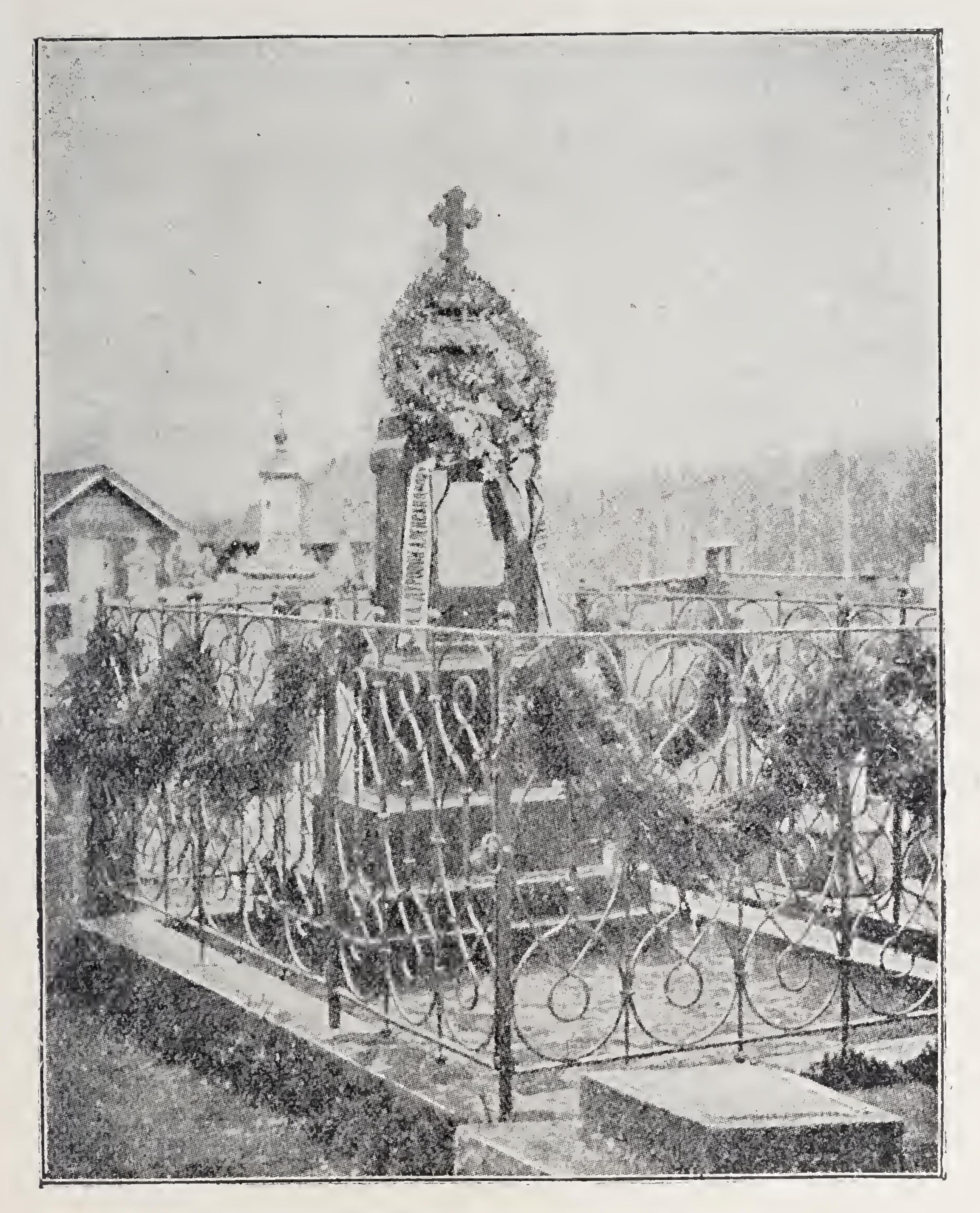
Но, какъ ни старалась Дурова хранить тайну, среди товарищей по полку разнесся слухъ, что подъ именемъ Дурова скрывается дѣвушка. Слухъ этотъ дошелъ до императора Александра I, который, разузнавъ подробно про ея жизнь и подвиги, вызвалъ храбрую дѣвушку-гусара въ Петербургъ.

— Это первый примѣръ въ Россіи,—говорилъ императоръ, принявъ Дурову во дворцѣ.—Всѣ начальники отзываются о васъ съ великими похвалами, называя вашу храбрость безпримѣрною... Мнѣ очень пріятно этому вѣрить, — продолжалъ государь,—и я желаю сообразно этому наградить васъ и возвратить съ честью въ домъ отцовскій, давъ...

Но Дурова не дала кончить государю. Вскрикнувъ отъ ужаса, она упала къ ногамъ императора:

— Не отсылайте меня домой, ваше величество! не отсылайте! Я умру тамъ, непремѣнно умру!

Императоръ поднялъ ее и спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

Могила Надежды Дуровой въ Елабугѣ.

(Съ фотографіи).

— Чего же вы хотите?

— Быть воиномъ, носить мундиръ, оружіе... другой награды мнѣ не надо...

Государь былъ видимо тронутъ, обласкалъ смѣлую дѣвушку, оставилъ ее на военной службѣ, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ ей называться впредь по его имени „Александровымъ“.

— Не сомнѣваюсь, — прибавилъ государь, — что вы сдѣлаетесь достойною этой чести отличностью вашего поведенія и поступковъ.

И вотъ Надежда Дурова подъ фамиліею Александрова продолжала свою военную службу и участвовала вмѣстѣ со своимъ полкомъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ.

Сильно контуженная въ этомъ послѣднемъ сраженіи, Дурова уѣхала домой, въ Сарапуль, для леченія. Но боевая карьера ея все еще не окончилась. Поправившись, она въ 1813 году опять стала въ ряды войскъ и приняла участіе въ военныхъ дѣлахъ подъ Модлиномъ, Гомбургомъ и Гарбургомъ и только въ 1816 г. съ чиномъ штабсъ-ротмистра вышла въ отставку и поселилась въ Сарапулѣ у престарѣлаго отца.

Послѣдніе годы своей жизни Дурова провела въ Елабугѣ, гдѣ и занялась описаніемъ своихъ боевыхъ приключеній, которыя появились подъ названіемъ „Записки Кавалеристъ-Дѣвицы“ и въ свое время имѣли большой успѣхъ, удостоились похвалы даже отъ Пушкина. Кромѣ того она написала еще рядъ разсказовъ.

Жизнь и приключенія Дуровой послужили также канвою для нѣсколькихъ повѣстей и романовъ. Между прочимъ, жизнь этой храброй дѣвушки, ея

дѣтство и подвиги описаны въ повѣсти Л. А. Чарской „Смѣлая жизнь“.

Скончалась Дурова-Александрова въ 1866 г. въ преклонномъ возрастѣ, въ г. Елабугѣ. На ея могилѣ офицеры Литовскаго полка, въ которомъ прошла часть боевой карьеры „кавалеристъ-дѣвицы“, въ 1900 году, по случаю празднованія столѣтія полка, соорудили памятникъ, надпись на которомъ заканчивается словами: „Вѣчная память, въ назиданіе потомству, ея доблестной душѣ“.

ПОЭТЕССА ДОДО.

Въ началѣ XIX вѣка въ Москвѣ, въ домѣ Ивана Алексѣевича Пашкова, очень часто собирались знаменитѣйшіе того времени литераторы и въ ихъ числѣ князь Вяземскій.

Какъ то разъ князь Вяземскій разговорился съ молоденькою внучкою хозяина дома, Евдокіею Петровною Сушковою или, какъ ее прозвали домашніе, „Додо“. И вотъ Додо по секрету сообщила писателю, что она занимается „сочинительствомъ“, пишетъ стихи. Князь Вяземскій очень заинтересовался стихотвореніями юной поэтессы, списалъ одно изъ ея стихотвореній п. з. „Талисманъ“ и напечаталъ его въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“ подъ псевдонимомъ Додо, т. е. подъ тѣмъ именемъ, какимъ дѣвушку звали дома.

Родные „Додо“, узнавъ о ея писательствѣ, были очень удивлены и огорчены, ибо, какъ они утверждали, „свѣтской благородной барышнѣ неприлично заниматься сочинительствомъ, печатать же свои произведенія постыдно!“

Послѣ непріятной сцены, вызванной первымъ неожиданнымъ литературнымъ дебютомъ, Додо не рѣшалась отдавать свои сочиненія въ печать (хотя

Графиня Е. П. Ростопчина.

писала ихъ очень много). Но въ высшемъ обществѣ Москвы, въ которомъ она стала появляться очень часто, все-таки знали, что Сушкова—поэтесса и ея стихи, передаваемые ея близкими подругами въ рукописныхъ листахъ, ходили изъ рукъ въ руки. И только по выходѣ замужъ поэтесса

Додо начинаетъ печатать свои стихотворенія въ журналахъ, сначала за неполною подписью: „гр. Р—на“, а затѣмъ полностью подъ новою своею фамиліею: „графиня Ростопчина“ и подъ этой фамиліею пріобрѣтаетъ громкую извѣстность и среди современныхъ писателей, и въ публикѣ. Лермонтовъ посвящаетъ ей стихотвореніе:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены.

Критики того времени Сенковскій, Плетневъ, Шевыревъ пишутъ о ней восторженные отзывы; даже Бѣлинскій, очень строго и серьезно относившійся къ явленіямъ литературы, находилъ, что ея муза „не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ“ и что ея стихи „ознаменованы печатью истинной поэзіи“, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ ее въ служеніи богу салоновъ, указывая на „великосвѣтскій“ характеръ ея стихотвореній.

Въ великосвѣтскихъ же кругахъ и при дворѣ на Ростопчину стали смотрѣть какъ на крупную, выдающуюся поэтессу, и ея произведенія ставили въ числѣ произведеній лучшихъ поэтовъ.

Дѣтскіе годы будущей знаменитой поэтессы прошли всецѣло въ домѣ ея родного дѣда по матери, Пашкова, у котораго родители ея поселились послѣ бракосочетанія. Додо шелъ второй годъ, когда началась война 1812 года. Семейство Пашковыхъ, какъ и многіе другіе москвичи, спасаясь отъ французовъ, уѣхало вмѣстѣ съ маленькой Додо въ одну изъ симбирскихъ деревень, откуда

вернулось только послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. Отца Додо все это время не видѣла, такъ какъ онъ, по дѣламъ службы, долженъ былъ сначала оставаться въ Москвѣ, а затѣмъ постоянно совершалъ переѣзды изъ одного города въ другой.

Росла Додо въ домѣ дѣда, гдѣ, подъ вліяніемъ постоянныхъ разговоровъ гостей-писателей о литературѣ, поэзіи, и сама полюбила поэзію. Въ 1817 году у Додо умерла мать, и дѣвочка всецѣло осталась на попеченіи престарѣлыхъ дѣда и бабки и подъ надзоромъ воспитательницъ иностранокъ. Ученіе ея велось по обычной программѣ того времени: Законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, немного ариѳметики, краткія понятія изъ исторіи и географіи, рисованіе, игра на фортепіано и танцы. Но эти элементарныя свѣдѣнія не могли удовлетворить любознательную дѣвушку, и она многостороннимъ чтеніемъ старалась расширить свои познанія, въ особенности въ литературѣ и поэзіи. Подъ впечатлѣніемъ восторга, вызваннаго чтеніемъ Шиллера, Жуковскаго, Пушкина и Байрона, она стала сама пробовать свои силы въ поэзіи и написала цѣлую поэму, которой, однако, не суждено было увидѣть свѣтъ. За этой поэмой послѣдовало огромное количество стиховъ, которые въ свое время—въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія—очень усердно читались и заучивались наизусть, въ особенности въ великосвѣтскихъ кругахъ.

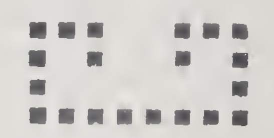
Званіе поэта она ставила очень высоко и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній писала:

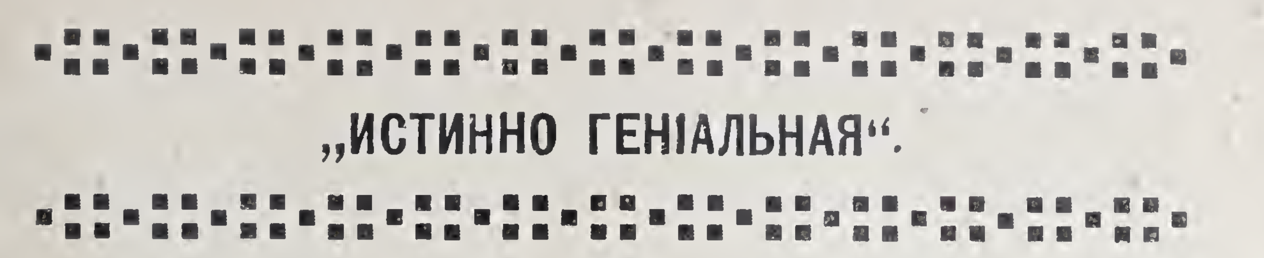
„Не тотъ поэтъ,
Кто въ области святого идеала
Страданьями гражданства не купилъ...
Поэтъ прямой, кто вышнему избранью
Не измѣнилъ...
Кто выгорѣлъ возвышенной любовью,
Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ“.

Какъ и многіе другіе поэты былыхъ временъ, Ростопчина теперь забыта, но все же ея стихотворенія помѣщаются въ сборникахъ русской поэзіи, среди ея образцовъ

Кромѣ стихотвореній Ростопчина написала романы „Счастливая жена“ и „У пристани“. Въ послѣднемъ изъ этихъ романовъ она сѣтуетъ о безчисленныхъ упущеніяхъ великосвѣтскáго воспитанія и рекомендуетъ воспитывать дѣвушку такъ, чтобы она научилась знать цѣну личнаго достоинства, цѣну ума, характера, талантовъ, красоты.

Скончалась Ростопчина 3 декабря 1858 года.

„ИСТИННО ГЕНІАЛЬНАЯ".

Въ Люксембургскомъ музеѣ въ Парижѣ, въ отдѣлѣ картинъ современныхъ художниковъ, пріобрѣтенныхъ за счетъ французскаго государства, въ качествѣ выдающихся произведеній искусства, находится картина, изображающая группу мальчишекъ, держащихъ совѣтъ у забора, на солнечномъ припекѣ. Тутъ же, около двери, виситъ маленькій портретъ молодой дѣвушки, съ чисто русскимъ, умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, съ густыми, неправильными бровями и загадочнымъ, мечтательнымъ взоромъ татарскихъ глазъ, устремленныхъ въ даль.

Картина принадлежитъ кисти русской художницы Маріи Башкирцевой, а портретъ — вѣрное изображеніе юной художницы, удостоившейся чести попасть въ число немногихъ мастеровъ кисти, произведенія которыхъ помѣщены на стѣнахъ Люксембургскаго музея.

Марія Башкирцева была удивительно богато одаренная отъ природы дѣвушка, въ полномъ

смыслѣ слова геніальная. Замѣчательныя, разносторонnія способности проявились у нея очень рано, еще въ дѣтствѣ, когда она была маленькой дѣвочкой, и развила она ихъ сама своей неутомимой энергіей, необыкновеннымъ рвеніемъ, упорнымъ трудомъ надъ собою...

Марія Константиновна Башкирцева родилась въ селѣ Гавронскомъ, подъ Полтавою, 11 ноября 1860 г., въ богатой дворянской семьѣ. Отецъ ея былъ 15 лѣтъ предводителемъ дворянства и умеръ на службѣ, мать—урожденная Бабанина—была дочерью военнаго, который велъ свой родъ отъ татаръ перваго нашествія.

Первыя десять лѣтъ она провела въ имѣніи дѣда по матери, въ Харьковской губ. Въ 1870 г. вся семья,—мать, тетка, дѣдушка, братъ, маленькая кузина, домашній врачъ и цѣлый штатъ прислуги—уѣхала вмѣстѣ съ Маріею за границу. Два года семья переѣзжала съ мѣста на мѣсто и жила то въ Вѣнѣ, то въ Баденъ-Баденѣ, то въ Женевѣ, то въ Парижѣ, пока не осѣла въ Ниццѣ.

Здѣсь, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою, Марія Башкирцева начала вести свой дневникъ, въ который съ полной искренностью заносила не только всѣ событія дѣтской и юношеской своей жизни, но и всѣ впечатлѣнія, мысли, взгляды, вызванные окружающей жизнью. Этотъ дневникъ, составившій впослѣдствіи 109 тетрадей самаго разнообразнаго содержанія, она хранила въ строгой тайнѣ отъ постороннихъ, и вслѣдствіе этого только послѣ смерти даровитой дѣвушки-худож-

ницы узнали, что у нея, кромѣ другихъ дарованій, былъ и выдающійся литературный талантъ.

Марія Башкирцева.

Тринадцатилѣтнею дѣвушкою Марія Башкирцева сама составила программу своихъ занятій (въ которую вошли математика, физика, химія,

оба древніе языка и пр.) и работала, не зная отдыха, стремясь развить всѣ свои необыкновенныя способности Тщательно воспитанная, она свободно, какъ на родномъ языкѣ, говорила по-англійски, по-нѣмецки, по-итальянски, а по-фран-

Мастерская художника Жюліана.

Картина Маріи Башкирцевой.

цузски она даже думала и на этомъ языкѣ писала свой дневникъ. Знала она также латинскій и греческій и въ подлинникѣ читала сочиненія Гомера, Платона, Плутарха. Страстная любительница музыки, она играла на роялѣ, цитрѣ, мандолинѣ, органѣ, арфѣ, гитарѣ, обладала выдающимся голосомъ, прекрасно танцовала, и у нея былъ ярко выраженный драматическій талантъ. Но больше всего на свѣтѣ Башкирцева любила живопись.

Однако, сначала съ рисованіемъ долго не ладилось дѣло у будущей великой художницы, а между

Совѣщаніе.

Картина Маріи Башкирцевой.

тѣмъ ее поглощала мечта непремѣнно сдѣлаться именно художницею, знаменитою художницею. Она рѣшила во что бы то ни стало осуществить

эту мечту и стала усердно работать надъ усовершенствованіемъ своего художественнаго таланта,

Сиротка.

Картина Маріи Башкирцевой.

въ который она твердо вѣрила. Цѣлые дни проводила она съ карандашомъ и кистью въ рукахъ, работала по праздничнымъ днямъ, работала даже по ночамъ...

Когда семья Башкирцевыхъ переѣхала въ Парижъ, Башкирцева, тогда уже 17-лѣтняя барышня,

Жанъ и Жакъ.

Картина Маріи Башкирцевой.

поступила въ мастерскую художника Жюліана и удивила всѣхъ своимъ рвеніемъ, любовью къ труду и страстнымъ стремленіемъ къ самоусовершенствованію. Ея успѣхи въ живописи были до того по-

разительны, что у профессоровъ возникло даже сомнѣніе насчетъ подлинности ея работъ, такъ какъ они не могли допустить, чтобы начинающая дилетантка могла писать такія совершенныя произведенія.

Осень.

Картина Маріи Башкирцевой.

Подругъ у нея не было, зато было много и поклонниковъ, и поклонницъ. Но впечатлительная дѣвушка все же чувствовала себя постоянно одной и одинокой и жаловалась, что ее не понимаютъ, и что даже она сама себя не понимаетъ, о чемъ она и повѣдала единственному, молчаливому своему другу, знавшему ея тайны,—своему дневнику...

Послѣ 11-мѣсячной работы подъ руководствомъ выдающихся парижскихъ профессоровъ живописи,

Марія Башкирцева на конкурсѣ мужскихъ и женскихъ художественныхъ мастерскихъ получила

Одна!

Картина Маріи Башкирцевой, пріобрѣтенная Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

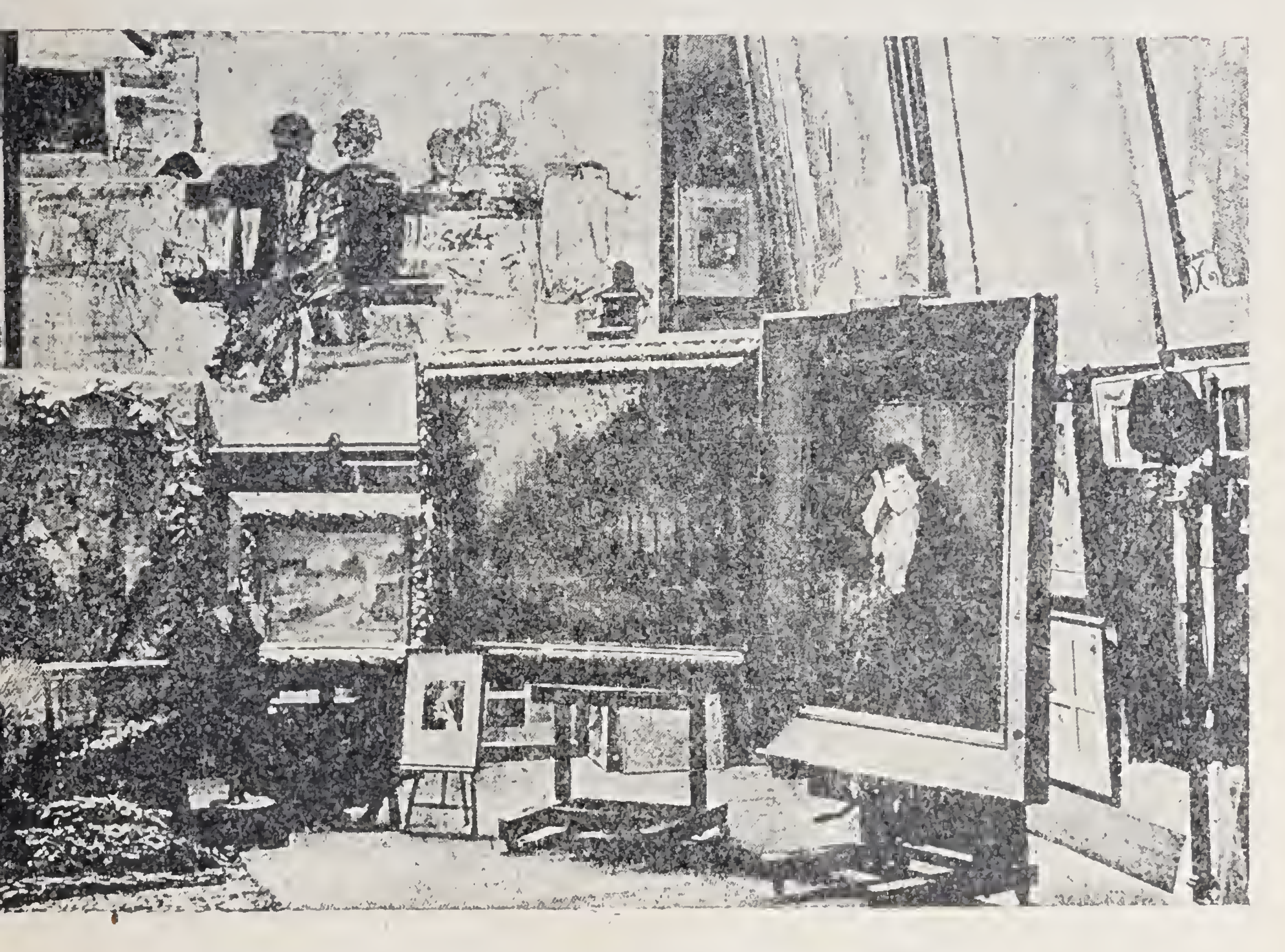
единственную золотую медаль. Такъ началась ея художественная карьера.

Въ 1880 году Башкирцева выставила на

парижской выставкѣ свою первую картину „Молодая женщина, читающая романъ“, подписавъ ее: „Marie Constantin, Russ“, а въ 1881 году—другую картину „Мастерская художника Жюліана“, за подписью „André“. Обѣ картины обратили на себя вниманіе парижской печати, признавшей въ нихъ безспорный талантъ. Тогда Башкирцева, въ 1883 г., уже подъ своимъ именемъ, выставила новую картину „Жанъ и Жакъ“, изображающую двухъ маленькихъ школьниковъ изъ бѣднаго класса парижскаго населенія. Эта картина вызвала восторженные отзывы въ печати. Послѣ этого на парижскихъ выставкахъ стали появляться, одна за другой, все новыя и новыя картины даровитой художницы, среди которыхъ особенныхъ похвалъ удостоилась картина „Совѣщаніе“ или „Митингъ“. Сюжетъ этой картины незамысловатый: группа уличныхъ мальчугановъ серьезно разсуждаетъ между собою — вѣроятно о затѣваемой шалости—передъ дощатымъ заборомъ въ пустынной улицѣ парижскаго предмѣстья. „Это истинный шедевръ, — писалъ объ этой картинѣ знаменитый французскій поэтъ и критикъ Франсуа Коппе,—физіономіи, позы дѣтей полны жизненной правды, уголокъ тоскливаго пейзажа замѣчательно передаетъ уныніе, разлитое въ этихъ затерянныхъ кварталахъ“...

Ободренная успѣхомъ, Башкирцева съ удвоеннымъ усердіемъ продолжала свои занятія живописью, но, оканчивая послѣднюю свою картину „Скамья на загородной парижской улицѣ“, бѣдная

молодая дѣвушка, утомленная лихорадочной, непосильной для ея слабаго здоровья работой (она страдала чахоткой), простудилась и умерла 31 октября 1884 года около 24 лѣтъ отъ роду, оставивъ

Мастерская Маріи Башкирцевой въ Парижѣ.

150 картинъ, 200 рисунковъ, нѣсколько скульптуръ (она и въ этой области проявляла свойственный ей талантъ) и акварелей.

Лучшія картины Башкирцевой пріобрѣтены французскимъ правительствомъ для національныхъ музеевъ.

Послѣ смерти даровитой художницы извѣстный французскій писатель Андре Терье выпустилъ въ

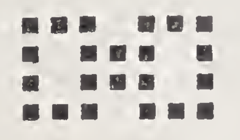
свѣтъ ея дневникъ, возбудившій живой интересъ и публики, и печати.

Этотъ дневникъ Башкирцева писала въ теченіе двѣнадцати лѣтъ урывками, часто въ вагонѣ, иногда среди работы, иногда между двумя балами, то опять въ томленіи одиночества и отчаянія, въ безсонныя ночи и т. п., писала съ полной искренностью и чисто художественной наблюдательностью, занося все, что только обращало на себя ея вниманіе. „Я буду разсказывать въ этомъ дневникѣ все, все, не только то, что я думаю: я не желаю скрывать изъ того, что есть во мнѣ смѣшного и дурного, потому что какое право будетъ имѣть эта книга на существованіе, если не будетъ безусловно строгою и самою точною истиною?— писала она.—Этотъ дневникъ—я вся“.

Такія сложныя, исключительныя, впечатлительныя натуры, какъ Башкирцева, — рѣдко бываютъ счастливы. Онѣ всегда чѣмъ то неудовлетворены, недовольны. И Марія Башкирцева, несмотря на успѣхъ, которымъ она пользовалась, несмотря на счастливыя условія жизни, несмотря на славу, которой она пользовалась,—считала себя несчастной. Страницы ея дневника полны грустныхъ мыслей, полны жалобъ. „У меня глубокое отвращеніе къ себѣ,— пишетъ она въ одномъ мѣстѣ.—Я ненавижу все, что ни дѣлаю, говорю или пишу. Я сама себѣ противна. Я разочаровалась въ самой себѣ“...

Переведенный на всѣ почти европейскіе языки, этотъ дневникъ замѣчательной русской дѣвушки, умершей въ расцвѣтѣ молодости, вездѣ и всюду

пользуется исключительнымъ успѣхомъ среди интеллигентныхъ читателей, разошелся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и продолжаетъ расходиться во многихъ изданіяхъ. Знаменитый англійскій государственный дѣятель Гладстонъ назвалъ „Дневникъ“ Башкирцевой одной изъ замѣчательныхъ книгъ нашего столѣтія, книгой, не имѣющей себѣ подобной, а автора ея „истинно геніальной дѣвушкой“.

ІУЛІАНІЯ-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія, при дворѣ Іоанна Грознаго, жилъ ключникомъ Іустинъ Недюревъ. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ одну только дочь Іуліанію.

Несмотря на знатный родъ и богатство, Іуліанія много натерпѣлась горя въ своемъ дѣтствѣ: отцу нѣкогда было ею заниматься, а родные сильно обижали сироту. Не видя ласки въ окружающихъ, она искала отрады въ молитвѣ и старалась утѣшать всѣхъ страдающихъ и помогать имъ, чѣмъ только была въ состояніи помочь. Чувствуя по опыту, какъ тяжко жить безъ матери, она особенно заботилась о сиротахъ: того приласкаетъ, тому сошьетъ рубашку, того накормитъ, съ тѣмъ поиграетъ, словомъ — всѣмъ сиротамъ помогала, чѣмъ могла и какъ могла. Работала она много и охотно, отдыхала только въ храмѣ Божьемъ да за молитвой.

Шестнадцати лѣтъ Іуліанію выдали замужъ за богатаго помѣщика села Лазаревскаго, Юрія Осорьина.

Новая семья полюбила тихую, кроткую, услужливую и трудолюбивую Іуліанію, и отецъ, и мать Юрія обращались съ нею какъ съ родной дочерью. Въ замужествѣ Іуліанія продолжала вести такую же трудолюбивую и честную жизнь, какую вела и прежде; только больше дѣлала добра, такъ какъ больше имѣла средствъ для этого. Особенно заботила ее участь нищихъ и заключенныхъ, которымъ она старалась помочь по мѣрѣ силъ.

Главная заслуга Іуліаніи состояла въ необыкновенной скромности и нежеланіи, чтобы знали объ ея добрыхъ дѣлахъ. Старалась она помогать такъ, какъ указано въ Евангеліи, то-есть, чтобы никто не зналъ объ этомъ.

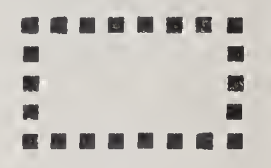
Особенную любовь къ страдающимъ выказала она во время сильнаго голода: она отказывала себѣ не только во всемъ излишнемъ, но даже сама голодала, отдавая свою пищу голоднымъ. А когда вслѣдствіе голода начались разныя заразительныя болѣзни, Іуліанія помогала больнымъ, всѣми брошеннымъ; она заботилась о нихъ, кормила, одѣвала, лечила, когда же они умирали, то сама обмывала ихъ, читала надъ ними молитвы и на свой счетъ хоронила ихъ.

Послѣ смерти мужа Іуліанія еще больше стала помогать бѣднымъ, а во время страшнаго голода, бывшаго въ царствованіе Бориса Годунова, раздала почти все, что имѣла, и принуждена была распустить половину своей прислуги, потому что нечѣмъ было кормить ее. Но и при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ она не унывала и не

роптала, а сама помогала работать оставшимся слугамъ.

Іуліанія скончалась 2 января 1604 года. Къ гробу ея приходили больные и несчастные и, какъ говоритъ преданіе, находили успокоеніе и исцѣлялись отъ своихъ недуговъ.

Православная церковь причислила Іуліанію къ лику святыхъ. Ея память празднуется 2-го января.

РУССКАЯ КОРИННА.

Жила въ Петербургѣ въ началѣ XIX столѣтія семья бѣднаго чиновника Бориса Өедоровича Кульмана. Когда-то этотъ Кульманъ былъ военнымъ, участвовалъ въ блестящихъ походахъ Румянцева-Задунайскаго, считался храбрымъ офицеромъ, былъ нѣсколько разъ раненъ и отличился въ знаменитой битвѣ при Кагулѣ. Потерявъ здоровье на службѣ, онъ долженъ былъ выйти въ отставку и, чтобы пропитать семью, поступилъ на небольшое жалованье въ одно изъ министерствъ. А семья была немалая: онъ, жена, семь сыновей и маленькая дочь Лиза—слабенькая, хворенькая крошка.

Жилось бѣдно, однако безъ особенной нужды. Но вотъ заболѣваетъ Борисъ Өедоровичъ и умираетъ, оставляя семью безъ всякихъ средствъ къ жизни. Трудно было вдовѣ одной своимъ трудомъ прокормить семью и часто въ домѣ не хватало даже хлѣба... Лиза, видя какъ мать борется съ нуждою и безъ устали работаетъ, уже съ самыхъ малыхъ

лѣтъ принимается помогать ей по мѣрѣ силъ. Она раздѣляла трудъ матери по хозяйству, вмѣстѣ съ матерью стирала, стряпала, таскала дрова, топила печи.

Росла Лиза необыкновенно умнымъ, даровитымъ ребенкомъ: соображеніе у нея было быстрое, вѣрное, наблюдательность большая, воображеніе сильное и память громадная. Все ее занимало, все она старалась понять.

Жили они въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова, въ бѣдномъ, ветхомъ деревянномъ домишкѣ, при которомъ былъ небольшой садикъ. Этотъ садикъ составлялъ любимое мѣстопребываніе Лизы. Тутъ все ей было мило и дорого: птицы, насѣкомыя, растенія, цвѣты,—все ее занимало, все давало пищу ея творчеству, сказавшемуся въ раннемъ ея дѣтствѣ.

Любила она также, стоя у окна, любоваться луною, смотрѣть какъ луна то погружается въ тучи, то снова выплываетъ на ясную лазурь неба и сочинила разсказъ, въ которомъ луна изображается благодѣтельнымъ существомъ, помогающимъ бѣднымъ.

Желаніе учиться появилось у Лизы очень рано, и на шестомъ году она уже правильно говорила по-русски и по-нѣмецки, а девяти лѣтъ совершенно легко объяснялась и читала на трехъ языкахъ: по-русски, по-французски и по-нѣмецки. И всему этому она выучилась, такъ сказать, между дѣломъ, помогая постоянно въ хозяйствѣ матери, которая была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первою ея учительницею.

Десяти лѣтъ Лиза выучилась итальянскому языку, стала читать произведенія итальянскихъ поэтовъ и, увлекаясь ихъ красотою, запоминала цѣлыя поэмы.

Лиза Кульманъ.
(Снимокъ со старинной гравюры.)

Пристрастившись къ чтенію, Лиза не переставала, однако, исполнять самыя тяжелыя хозяйственныя работы и въ то же время усердно готовила уроки, поражая своего учителя, нѣкаго Гроссгейнрихса, бывшаго друга ея отца, удивитель-

ною памятью, быстротой соображенія и легкостью, съ которой ей удавалось преодолѣвать самыя трудныя работы.

Когда Лизѣ минуло одиннадцать лѣтъ, семья ея переѣхала въ Горный институтъ, гдѣ поселилась въ квартирѣ овдовѣвшаго и потерявшаго дочь старика-законоучителя Абрамова, предложившаго г-жѣ Кульманъ вести у него хозяйство.

Лиза, пользовавшаяся всѣмъ, чтобы расширить свои знанія, стала посѣщать музей Горнаго института, стараясь изучить тѣ богатства природы, которыя накоплены въ немъ. Тогдашній директоръ института Медеръ полюбилъ Лизу, сблизилъ ее со своими дочерьми и помогъ ей въ изученіи исторіи и естественныхъ наукъ своими познаніями и библіотекой. Съ его же дѣтьми Лиза выучилась музыкѣ, рисованію и танцамъ.

На двѣнадцатомъ году Лиза по собственному побужденію стала изучать латинскій языкъ. Принялась она за изученіе этого языка, чтобы оказать свое вниманіе священнику Абрамову, очень любившему латынь. Четырехъ мѣсяцевъ занятій было для даровитой дѣвочки достаточно, чтобы поздравить Абрамова рѣчью на латинскомъ языкѣ, ею самою составленной. Абрамовъ былъ въ восторгѣ и предложилъ Лизѣ помочь ей изучить также и древній церковно-славянскій языкъ, за который она принялась съ рвеньемъ и который скоро изучила.

Но удивительно способной къ языкамъ дѣвочкѣ казалось недостаточнымъ знать три новѣй-

шихъ языка, кромѣ русскаго, и два древнихъ. Ей страстно захотѣлось изучить еще классическій языкъ грековъ, чтобы въ подлинникѣ читать Гомера и другихъ греческихъ поэтовъ, которыми восторгался ея учитель Гроссгейнрихсъ. И она упросила послѣдняго заняться съ нею греческимъ языкомъ. Прошло всего четыре мѣсяца,—и Лиза не только свободно читаетъ греческихъ поэтовъ, но и переводитъ ихъ стихами на русскій, нѣмецкій и итальянскій языки!

Страсть къ изученію еще другихъ языковъ, стихійно овладѣвшая юною дѣвушкою, заставила ее изучить кромѣ того англійскій, испанскій и португальскій языки, и четырнадцати лѣтъ она знала уже десять иностранныхъ языковъ, переводила свободно съ одного языка на другой. Одновременно она начинаетъ писать и оригинальныя стихотворенія по-русски и по-нѣмецки, выдавая ихъ за стихотворенія, написанныя будто бы знаменитою греческою поэтессою Коринной, жившей за 300 лѣтъ до Рожд. Христ. Стихотворенія эти— въ древне-классическомъ стилѣ, отпечатанныя отдѣльнымъ томикомъ, заслужили очень лестные отзывы.

— Вы воскресили Коринну!—говорилъ ей ея учитель Гроссгейнрихсъ, а критики, восторгавшіеся этими произведеніями юной дѣвушки, прозвали ее „Русской Коринной“.

Не довольствуясь знаніемъ классическаго греческаго языка, Лиза выучилась и новогреческому и говорила на этомъ языкѣ такъ хорошо,

что одинъ грекъ принялъ ее за свою соотечественницу.

Необыкновенныя способности Лизы Кульманъ обратили на себя общее вниманіе. О ней заговорили, какъ объ исключительной, геніальной дѣвушкѣ. Даже Бѣлинскій, хотя не находилъ въ ея русскихъ стихахъ достоинствъ, сказалъ, что она какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступленіе отъ ея обычныхъ законовъ.

Даровитая, много обѣщавшая „Русская Коринна“ прожила недолго: во время наводненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 году, которое затопило половину столицы, она простудилась и вскорѣ умерла (19 октября 1825 года). Когда вѣсть о ея болѣзни дошла до Двора, то обѣ императрицы, супруга и мать Александра I, приняли въ больной живѣйшее участіе, но спасти ее не было возможности.

Похоронили Лизу Кульманъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ и поставили на ея могилѣ бѣлый мраморный памятникъ, работы скульптора Трескони. Памятникъ сдѣланъ въ греческомъ стилѣ и изображаетъ женщину въ гробу, склонившуюся на лѣвую руку. На гробѣ изображены листья аканѳа и между ними оторванная отъ стебля роза. Кругомъ надписи на всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ языкахъ, которые такъ хорошо знала покойная.

Въ 1833 году Императорская Академія Наукъ издала все, что сохранилось изъ ея сочиненій, а профессоръ Никитенко написалъ біографію даро-

витой дѣвушки-поэта, „Русской Коринны", въ которой между прочимъ сказано: „Это была одна изъ тѣхъ душъ, на которыя природа бросаетъ горстью сѣмена сильныхъ стремленій и богатыхъ надеждъ, которымъ даетъ все: мысль зиждущую и свѣтлую, образы стройные, къ нимъ звуки или краски, животворящіе для представленія ихъ людямъ, наконецъ волю жить единственно для избранной цѣли или мечты".

Современники Лизы Кульманъ, ближе знавшіе эту удивительную дѣвушку, разсказывали, что когда на нее находили минуты вдохновенія, необыкновенная сосредоточенность выражалась на всемъ ея лицѣ: губы полураскрывались, лицо становилось блѣднымъ, руки холодѣли, она словно вся замирала. Состояніе это бывало непродолжительно, лицо снова прояснялось, станъ ея выпрямлялся, она быстро ходила по комнатѣ и вся сіяла какимъ-то тихимъ, радостнымъ чувствомъ, затѣмъ она садилась писать. Творчество, по словамъ тѣхъ же современниковъ, было потребностью души Лизы Кульманъ: ей необходимо было вылить въ поэтическую форму то, чѣмъ полна была ея душа.

ДАША СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ.

Это было въ 1854 г. У рѣки Альмы, близъ Севастополя, происходило кровопролитное сраженіе: стоны раненыхъ смѣшивались со свистомъ пуль и грохотомъ орудій, густой пороховой дымъ тучами стоялъ въ воздухѣ...

— Пить, пить!—въ безпамятствѣ молили раненые.

Молоденькій мальчикъ-матросъ, явившійся къ Альмѣ вмѣстѣ съ войскомъ, подавалъ раненымъ пить, перевязывалъ и успокаивалъ ихъ; поминутно изъ небольшой сумки, привязанной къ сѣдлу мохнатой маленькой татарской лошадки, онъ доставалъ бинты, пластыри, корпію и другія лазаретныя снадобья.

Вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ къ мѣсту сраженія фельдшеромъ юный матросъ устроился со своими припасами въ лощинѣ, куда рѣже залетали вражьи пули, и неутомимо хлопоталъ около раненыхъ, которыхъ все несли и несли въ лощину.

— Господь тебѣ заплатитъ, мальчуганъ, за

твою доброту!—съ умиленіемъ говорили получившіе помощь солдаты,—откуда ты? Какъ тебя звать?

Даша Севастопольская.
(Снимокъ со старинной гравюры).

Скажи, чтобы мы знали, за кого намъ Бога молить.

— Я не мальчуганъ... я дѣвица Дарья... изъ Корабельной Слободки, съ Сухой Балки,—тихо

отвѣчала эта первая, появившаяся на полѣ битвы, сестра милосердія.

„Дѣвица Дарья“ была матросская дочка и круглая сирота. Отца ея, матроса, убили въ Синопскомъ сраженіи. Жила Даша до войны въ Севастополѣ, въ Корабельной Слободкѣ, въ лачужкѣ, оставшейся ей въ наслѣдство отъ родителей. Несмотря на юные годы, сиротка работала, не покладая рукъ, и трудомъ добывала себѣ кусокъ хлѣба: шила матросское бѣлье, ходила по стиркамъ. Матросы знали и любили ее и никому не давали въ обиду.

Но вотъ началась Крымская война, всѣ, отъ мала до велика, собрались на защиту родины. И богатырская кровь отца Даши, храбраго воина, сказалась въ дѣвушкѣ. Она оставила на произволъ судьбы свою лачугу, продала весь свой скарбъ за 19 рублей 67 копѣекъ, выпросила еще въ придачу старое матросское платье и бѣлыхъ тряпокъ, остригла свою густую, длинную косу и уѣхала на поле битвы.

Цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ эта пятнадцатилѣтняя дѣвушка провела въ лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ, и днемъ, и ночью неутомимо ухаживала за ранеными, терпѣливо вынося всѣ ужасы войны. Солдатики звали ее Дарьей Александровной и платили ей самой горячей любовью за ея попеченія и хлопоты.

— Ангелъ Господенъ слетѣлъ къ намъ, горемычнымъ! — говорили раненые, когда юная сестра, заботливо склоняясь надъ ними, обмывала

ихъ горячія раны, подносила къ ихъ запекшимся губамъ чарку вина, перевязывала кому грудь, кому

Первая солдатская сестра милосердія Дарья Александровна, ухаживающая за ранеными солдатами.
(Снимокъ со старинной гравюры).

руку, кому ногу. Иные, умирая, завѣщали ей кто деньги, кто часы и пр.

Молва о подвигѣ Дарьи дошла до императора Александра II. Онъ прислалъ безстрашной дѣвушкѣ медаль, а государыня пожаловала ей золотой крестъ съ надписью „Севастополь“.

Даша Севастопольская подъ Альмой.
(Снимокъ съ картины, находящейся въ Севастопольскомъ музеѣ).

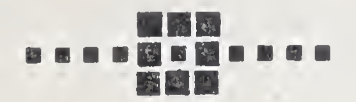
Всѣ же тѣ, кому помогла она въ трудную минуту, сложились и благословили ее образомъ Спасителя, во имя Котораго она послужила своимъ братьямъ.

— Возьми, сердешная, возьми... возьми на память... Облегчила ты послѣднія наши минуты... не пощадила себя... Пусть эта икона напоминаетъ тебѣ о твоихъ-же добрыхъ дѣлахъ,—говорилъ слабымъ голосомъ умирающій.

— На, голубушка, возьми себѣ...—говорилъ другой, суя въ руку Дашѣ тряпицу, въ которой завернутъ былъ весь его капиталъ—нѣсколько цѣлковыхъ, — мнѣ ужъ деньги не понадобятся больше: не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ, а тебѣ, сиротинкѣ, пригодятся...

Больше всего цѣнила Даша ласковое слово раненаго солдата и благословеніе, которое призывалъ онъ на нее за ея ласку и неутомимую службу страждущимъ. Скромная и смиренная, она повторяла въ отвѣтъ на всѣ благодарные возгласы, которыми ее осыпали:

— Не на чемъ благодарить, братцы родные, будьте здоровы, пошли вамъ Господи всякой удачи. А я дѣлаю только то, что должна, и невелики мои труды!

ЕДИНСТВЕННАЯ УЧЕНИЦА ГЛИНКИ.

Въ семьѣ бѣднаго сенатскаго чиновника-писца Леонова въ одинъ изъ зимнихъ дней 1844 года происходила необычайная суета: снаряжали маленькую дочь, девятилѣтнюю Дашу, первый разъ въ театръ.

Леоновъ получалъ жалованія всего-на-всего десять рублей въ мѣсяцъ и, конечно, о театрѣ или другихъ удовольствіяхъ никогда и не думалъ. Прокормить въ Петербургѣ себя, жену, да дочь на десять рублей въ мѣсяцъ—это была задача не изъ легкихъ, даже въ пятидесятыхъ годахъ, когда все было дешевле, нежели теперь. Несмотря, однако, на скудное жалованіе, Леоновъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы дать дочкѣ хорошее образованіе, и помѣстилъ ее въ т.-н. патріотическую школу. За ученіе платить не приходилось, но книги, тетради и пр. необходимо было покупать на деньги. И вотъ въ эту-то школу были доставлены безплатные билеты въ театръ, а маленькая Леонова, какъ одна изъ самыхъ прилежныхъ уче-

ницъ, попала въ число тѣхъ воспитанницъ, которыхъ начальство школы рѣшило свезти въ театръ.

Д. М. Леонова.
(Съ грав. Ю. Барановскаго).

Весь день въ семьѣ Леоновыхъ шли приготовленія къ этому торжественному вечеру: изъ какого то стараго куска матеріи мать спѣшно шила для дочки платье; отецъ—всѣми силами старался по-

чинить башмаки Даши, желая придать имъ видъ новыхъ, сама Даша гладила усердно воротникъ.

Въ театрѣ давали въ этотъ вечеръ „Гамлета“. Представленіе произвело на дѣвочку огромное впечатлѣніе, и она послѣ этого спектакля только и мечтала о томъ, какъ бы опять попасть въ театръ.

Случай явился вскорѣ, такъ какъ въ школу стали доставлять довольно часто безплатныя ложи для учёницъ, да кромѣ того Леоновъ случайно познакомился съ однимъ театральнымъ капельдинеромъ, который охотно, въ тѣ дни, когда въ театрѣ было мало публики, бралъ съ собою Дашу и усаживалъ ее на какое-нибудь свободное мѣсто.

Всякій разъ, когда Дашѣ случалось быть въ театрѣ, она возвращалась домой подъ волнующимъ дѣйствіемъ театральнаго представленія и дома, устроивъ по-своему сцену, повторяла на глазахъ семьи все видѣнное.

У маленькой любительницы театра оказался къ тому и голосокъ. Не учившись пѣнію, не зная совершенно нотъ, она прекрасно исполняла разныя пѣсни, легко запоминая мотивы. Друзья и знакомые Леонова стали хлопотать, чтобы дѣвочку приняли въ театральный хоръ. Благодаря ихъ хлопотамъ, директоръ театровъ О. М. Гедеоновъ обратилъ вниманіе на поразительный слухъ и красивый голосокъ десятилѣтней тогда дѣвочки и приказалъ ее учить учителю пѣнія Быстрóву, а затѣмъ другому учителю—Вителяро.

Даша училась очень прилежно; ея дѣтскій го-

лосокъ постепенно развивался и крѣпъ, подавая надежды, что изъ бѣдной дѣвочки выйдетъ со временемъ не только простая хористка, но, пожалуй, и настоящая артистка-пѣвица.

Шестнадцатилѣтней дѣвушкой Даша Леонова въ 1851 году выступила впервые на сценѣ въ знаменитой оперѣ Глинки „Жизнь за царя“, исполнивъ пѣсню Вани: „Ахъ, не мнѣ бѣдному“. Ее похвалили. Затѣмъ второй ея дебютъ былъ въ „Русской свадьбѣ“, гдѣ пѣніе юной артисткой русскихъ пѣсенъ произвело фуроръ и обратило на себя общее вниманіе публики. Леоновой рѣшили тогда поручить исполненіе всей партіи Вани въ „Жизни за царя“. Подготовить къ этому юную артистку взялся самъ великій Глинка, пораженный и восхищенный ея голосомъ. И вотъ Леонова стала ученицею Глинки, единственною его ученицею, которой онъ самъ указалъ, какъ онъ желаетъ, чтобы исполнялась партія Вани.

Съ появленія Леоновой въ „Жизни за царя“ началась обширная оперная дѣятельность будущей знаменитой пѣвицы. Съ первыхъ же шаговъ на сценѣ она стала любимицею публики,—сначала въ Петербургѣ, затѣмъ въ провинціи, гдѣ она выступала въ концертахъ, и ея слава росла съ каждымъ годомъ.

Поступивъ на сцену юной шестнадцатилѣтней дѣвушкой, Леонова получала всего 300 рублей въ годъ. Императоръ Николай Павловичъ, слышавшій Леонову въ Гатчинскомъ дворцѣ и узнавъ, что артистка служитъ за 300 руб., сказалъ: „А что

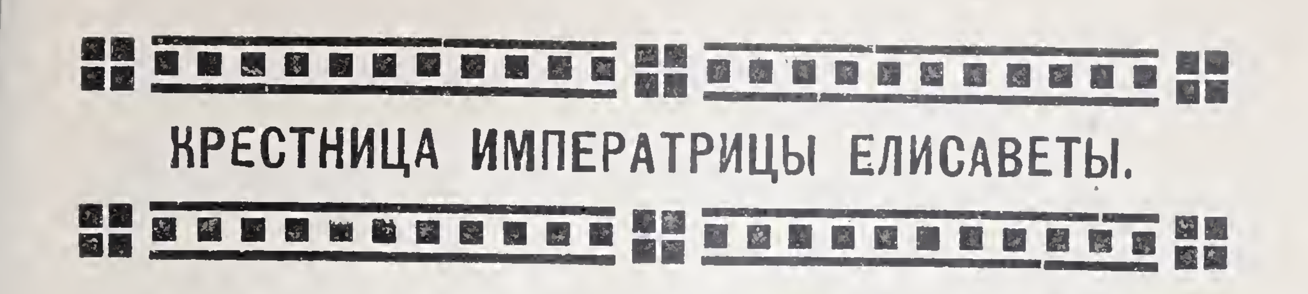
получаетъ другая артистка, примадонна?—Шестьсотъ, — былъ отвѣтъ. — *Сравнять*! — приказалъ государь. И Леоновой тотчасъ же назначили двойное жалованіе.

По мѣрѣ того, какъ росла слава Леоновой, росъ и окладъ ея жалованія, который постепенно достигъ такихъ размѣровъ, какіе въ то время рѣдко выпадали на долю русской пѣвицы.

Побывала Леонова и за границею, выступала тамъ въ концертахъ и въ театрахъ, пожиная такіе же лавры, какъ въ Петербургѣ, и затѣмъ въ Москвѣ и въ провинціи.

Первая и единственная ученица Глинки, Дарья Михайловна Леонова, признается и первой, въ настоящемъ смыслѣ, русской національной пѣвицей-артисткой. Въ исторіи русской оперы ей отведена почетная страница, а тѣ, уже немногіе посѣтители театра, которые имѣли возможность слышать Леонову, до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаютъ лучшаго Ваню изъ „Жизни за царя“.

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

Въ ярко-освѣщенномъ домѣ генералъ-аншефа Романа Воронцова въ 1743 году происходило большое семейное торжество: крестины новорожденной дочери Екатерины. Воспріемницей при купели была императрица Елисавета Петровна, а крестнымъ отцомъ — тогдашній наслѣдникъ престола, впослѣдствіи императоръ Петръ III. Императрица, поздравляя послѣ крестинъ отца новорожденной, сказала:

— Я убѣждена, что моя крестница будетъ знаменитою. У нея очень умные глаза.

Когда маленькой Екатеринѣ исполнилось два года, у нея умерла мать, и воспитаніемъ ея занялась сначала бабушка, а затѣмъ дядя, вице-канцлеръ М. И. Воронцовъ.

Въ домѣ у Воронцова (куда была перевезена сиротка) часто бывала сама императрица, обѣдала и проводила цѣлые вечера. Маленькая крестница императрицы нерѣдко играла на колѣняхъ у своей высокой крестной матери, сиживала съ ней ря-

домъ за столомъ и вообще пользовалась ея ласками.

Самъ вице-канцлеръ очень любилъ свою племянницу и ничего не жалѣлъ, чтобы дать ей блестящее, по понятіямъ того времени, образованіе: вмѣстѣ съ дочерью вице-канцлера его племянница обучалась у лучшихъ преподавателей языкамъ, наукамъ и искусствамъ. Но легковѣсное внѣшнее образованіе не удовлетворяло жажды знанія, которую, гордая и самолюбивая, молодая дѣвушка ощущала въ себѣ съ ранней юности. Она стала пополнять свои познанія усерднымъ чтеніемъ книгъ и читала все, что находила въ богатой библіотекѣ вице-канцлера, читала запоемъ, лихорадочно, стараясь, однако, всегда извлечь изъ прочитаннаго какія-нибудь свѣдѣнія, познанія.

Интересъ къ книгамъ развивался у молодой дѣвушки съ каждымъ годомъ все больше и больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стала очень интересоваться политикою. Слыша въ домѣ вице-канцлера постоянные разговоры о политикѣ, вращаясь между дипломатами, русскими и иностранными, посѣщавшими Воронцова, видя важныя государственныя бумаги на столѣ у дяди, который охотно объяснялъ юной племянницѣ, что это за бумаги, молодая дѣвушка невольно заинтересовывалась государственными дѣлами, и въ ея юной головкѣ развивалась мечта сыграть со временемъ какую-нибудь видную роль въ этихъ дѣлахъ.

Осуществленію этой мечты способствовало знакомство съ супругою наслѣдника престола

Петра Өеодоровича, великою княгинею Екатериною Алексѣевною, будущей императрицей Екатериной II.

Е. Р. Дашкова.
(Съ гравюры Вортмана).

Знакомство это перешло вскорѣ въ обоюдную дружбу. Юная племянница вице-канцлера буквально обожала великую княгиню, писала ей восторженные стихи и только и ждала случая, чтобы ока-

зать ей какую-нибудь услугу. Случай къ тому явился, когда императрица Елисавета въ 1761 г. опасно захворала, и на престолъ долженъ былъ вступить Петръ Θеодоровичъ. Имѣя полное основаніе полагать, что новый государь отстранитъ Екатерину Алексѣевну, Дашкова примкнула къ кружку сановниковъ, которые рѣшили возвести на престолъ Екатерину, и стала въ этомъ кружкѣ одной изъ самыхъ дѣятельныхъ особъ. И вотъ при ея непосредственномъ участіи совершился государственный переворотъ 26 іюня 1762 г.: Екатерина Алексѣевна стала императрицею, а императоръ Петръ III долженъ былъ отречься отъ престола, и, увезенный въ Ропшу, тамъ очень быстро скончался...

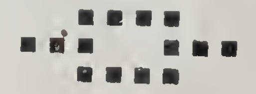
Въ то время Екатерина Воронцова носила уже новую фамилію — княгини Дашковой, такъ какъ она вышла замужъ за преображенскаго офицера, князя Дашкова.

Съ воцареніемъ Екатерины Алексѣевны молодая, честолюбивая княгиня, много способствовавшая удачному исходу переворота въ пользу новой императрицы, надѣялась сыграть важную роль при Дворѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что въ благодарность за ея услуги ей даны будутъ совершенно исключительныя права. Но тутъ-то она ошиблась: новая императрица, тщательно оберегая независимость своихъ мнѣній и поступковъ и опасаясь слишкомъ большого вліянія своей прежней подруги, осторожно отдалила ее отъ себя вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ.

Чувствуя себя оскорбленной, Дашкова уѣхала за границу подъ именемъ госпожи Михалковой. Во время пребыванія за границею она познакомилась со многими выдающимися учеными и писателями, много читала и пріобрѣла славу одной изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ женщинъ своего времени.

Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. Бывшая „подруга великой княгини Екатерины Алексѣевны“ стала уже пожилою дамою, какъ вдругъ императрица рѣшила назначить ее директоромъ академіи наукъ. Мечта юныхъ лѣтъ княгини начинала сбываться: она должна была занять крупный и видный постъ. Сначала ей казалось, что не по силамъ будетъ ей—женщинѣ—руководить высшимъ ученымъ учрежденіемъ, и она написала императрицѣ, „что чувствуетъ неспособность для такой дѣятельности, какъ управленіе академіей“. Но императрица все-таки настояла на своемъ и заставила Дашкову принять предложенный ей высокій постъ. Десять лѣтъ Дашкова ревностно исполняла свое дѣло. За все это время она принимала видное участіе въ дѣлахъ не только академіи, но и всего русскаго просвѣщенія, какъ устроительница первыхъ въ Россіи публичныхъ чтеній, учредительница т.-н. „переводческаго департамента“, руководительница нѣсколькихъ журналовъ, покровительница литераторовъ. Пропускъ академіей трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій“ обострилъ, однако, отношенія княгини къ императрицѣ и заставилъ Дашкову уѣхать вновь за границу.

При воцареніи императора Павла I Дашкову отстранили окончательно отъ должностей и отправили на житье въ ея подгородное имѣніе.

КРОШКА-ПІАНИСТКА.

Публика, собравшаяся на одномъ изъ публичныхъ концертовъ въ Петербургѣ въ 1858 году, была удивлена и поражена, когда вдругъ, неожиданно, послѣ исполненія виртуозомъ-піанистомъ довольно трудной пьесы, на эстраду пробралась маленькая дѣвочка и стала наизусть играть слышанное. Дѣвочку обступили со всѣхъ сторонъ и, выслушавъ ея игру, стали разспрашивать ее: кто она, какъ и у кого она научилась играть и пр. Оказалось, что дѣвочка унаслѣдовала талантъ и любовь къ музыкѣ отъ отца, что ей всего 7 лѣтъ, что первые уроки музыки она брала у учителя Велепольскаго во французскомъ пансіонѣ, куда была отдана родителями и что, наконецъ, она часто играетъ наизусть слышанное.

— У этой дѣвочки выдающіяся способности; ихъ надо развивать,—рѣшили въ одинъ голосъ знатоки-музыканты и уговорили отца маленькой піанистки помѣстить ее въ консерваторію, въ приготовительный классъ. Тутъ, подъ руководствомъ учи-

теля фонъ-Арка, она и начала настоящее свое музыкальное образованіе. Быстрые успѣхи, которые дѣлала молоденькая піанистка, и необычайная любовь, которую она проявляла къ музыкѣ, заставили однако, уже спустя полгода, перевести ее въ высшій разрядъ, гдѣ вскорѣ она стала самой выдающейся ученицею.

Какъ то разъ знаменитый профессоръ фортепіанной игры Лешетицкій, проходя мимо классовъ, былъ пораженъ, услышавъ удивительно стройную, художественную игру. Онъ вошелъ туда и увидалъ юную ученицу, окруженную толпою слушательницъ. Она сидѣла передъ роялемъ и разыгрывала рапсодію Листа и рядъ другихъ очень трудныхъ пьесъ.

— Вы играете хорошо,—сказалъ Лешетицкій, — но помните, что только пройдя строгую школу музыки можно достичь вполнѣ безукоризненной игры. Совѣтую вамъ потому еще поработать надъ собою раньше, нежели вы рѣшитесь играть такія трудныя вещи.

Юная піанистка послушалась совѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стала просить Лешетицкаго принять ее въ число его ученицъ, на что тотъ охотно согласился.

Этой ученицей Лешетицкаго была Анна Николаевна Есипова, впослѣдствіи одна изъ замѣчательнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ піанистокъ и профессоръ фортепіанной игры въ спб. консерваторіи.

Обладая огромнымъ музыкальнымъ талантомъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ юные годы, годы ученія въ консерваторіи, поражала всѣхъ удиви-

тельной музыкальной памятью и исполняла наизусть самыя трудныя и сложныя пьесы. Работала она надъ усовершенствованіемъ своего таланта съ необычайнымъ усердіемъ, цѣлые дни проводя у

Анна Николаевна Есипова.

рояля за исполненіемъ самыхъ трудныхъ пьесъ, строго слѣдуя указаніямъ своего знаменитаго учителя.

Несмотря на громадные успѣхи Есиповой,

Лешетицкій долго не рѣшался выпустить на эстраду свою талантливую ученицу.

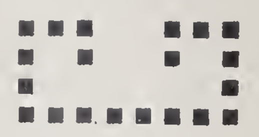
— Вы должны сразу поразить своею игрою,— говорилъ онъ, и только въ 1869 году, во время пребыванія Есиповой за границей, позволилъ ей выступить въ концертѣ въ Зальцбургѣ. Успѣхъ былъ полный. Публика пришла въ восторгъ.

Вскорѣ затѣмъ Есипова выступила въ Петербургѣ, гдѣ ея успѣхъ былъ такой же блестящій, какъ и за границею.

Уже послѣ этого концерта Есипова держала выпускной экзаменъ въ консерваторіи, за который ей присуждена была золотая медаль.

Съ тѣхъ поръ начинается артистическая дѣятельность Есиповой въ качествѣ виртуозки - піанистки: ея имя становится извѣстнымъ въ музыкальныхъ кругахъ всей Европы. Затѣмъ она ѣдетъ въ Америку и тамъ тоже достигаетъ огромной славы, какъ одна изъ самыхъ знаменитыхъ піанистокъ въ мірѣ.

Уже знаменитой артисткой Есипова стала супругой своего бывшаго профессора Лешетицкаго, которому много была обязана своимъ музыкальнымъ образованіемъ и успѣхами.

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛѢТНЯЯ АРТИСТКА.

Это было въ 1864 году.

Директоръ странствующей труппы драматическихъ артистовъ, собиравшейся начать рядъ спектаклей въ Новгородѣ, находился въ нѣкоторомъ затрудненіи.

Въ пьесѣ, намѣченной для перваго спектакля, требовалась молодая крестьянская дѣвушка, которая должна выйти на сцену, поставить подносъ со стаканами и сказать всего три-четыре слова.

Въ небогатой труппѣ странствующихъ актеровъ всѣ артистки въ данной пьесѣ были заняты, да, кромѣ того, не было ни одной, которая сколько-нибудь походила бы на 14-лѣтнюю дѣвушку. Притомъ ни одна изъ этихъ артистокъ не согласилась бы—это директоръ зналъ по опыту—исполнять роль, въ которой приходится исключительно только... выносить на сцену подносъ...

Директоръ сталъ разсказывать о своемъ затрудненіи суфлеру труппы, и вотъ этотъ суфлеръ вспомнилъ, что наканунѣ къ директору прихо-

дила какая-то маленькая ростомъ, невзрачная дѣвушка и спрашивала, не возьмутъ-ли ее въ „актрисы“.

— Вотъ вы ей и предложите для перваго дебюта, для пробы, такъ сказать, переодѣться деревенскою дѣвушкою и вынести на сцену подносъ: если у нея дѣйствительно талантъ, то онъ долженъ проявиться даже и въ... вынесеніи подноса.

Директоръ послушался совѣта, и когда молодая дѣвушка опять явилась въ театръ, онъ предложилъ ей сразу выступить въ первомъ же представленіи въ роли крестьянской дѣвушки-прислуги, предупреждая, однако, въ чемъ собственно будетъ состоять ея роль.

— Все равно кого мнѣ придется играть, и какую вы мнѣ дадите роль, — отвѣтила молодая дѣвушка.—Я такъ люблю театръ, сцену, что готова на все согласиться, лишь бы попасть на театральныя подмостки. И я настолько убѣждена въ себѣ, что не сомнѣваюсь, что послѣ этой роли— вы мнѣ дадите болѣе трудную, болѣе отвѣтственную...

Директоръ пообѣщалъ, но... проходили недѣли, мѣсяцы, а для новой начинающей артистки не находилось подходящей роли или, вѣрнѣе, никто не вѣрилъ въ ея талантъ. Маленькія, иногда совсѣмъ безъ словъ, такъ-называемыя выходныя роли она исполняла добросовѣстно, но дать ей сколько-нибудь болѣе сложную роль директоръ не рѣшался, тѣмъ болѣе, что и внѣшность молодой дѣвушки совершенно не располагала къ себѣ: она была

низенькая ростомъ, некрасивая, невзрачная и совсѣмъ не похожа на артистку.

Пелагея Антиповна Стрепетова.

Но для молодой дѣвушки было главное — попасть на сцену, а тамъ (такъ она рѣшила) она уже сама пробьетъ себѣ дорогу. Исполняя сначала самыя ничтожныя роли, она тщательно, внѣ

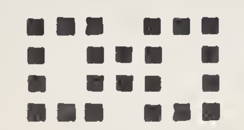
сцены, работала надъ усовершенствованіемъ своего таланта: учила усердно наизусть стихи, упражнялась въ декламаціи, читала постоянно вслухъ и т. п., съ твердою вѣрою, что рано или поздно пробьетъ себѣ дорогу на театральныхъ подмосткахъ.

И дѣйствительно, когда на слѣдующій годъ она, уже съ другой труппою, отправилась въ Рыбинскъ, затѣмъ въ Ярославль и Симбирскъ, ей стали поручать и болѣе сложныя, болѣе видныя роли, а когда послѣ этого она попала въ Москву, въ „Народный театръ", то стала тамъ сразу видною артисткою и любимицей публики. Но громкая слава выпала на ея долю лишь тогда, когда она выступила впервые въ новой пьесѣ Писемскаго „Горькая судьбина". И авторъ пьесы, и вся печать, и публика пришли въ восторгъ отъ ея игры. Это было рѣдкое, небывалое исполненіе! Артистка такъ прониклась ролью, такъ глубоко ее прочувствовала, что ея игра невольно заставляла и другихъ глубоко и сильно чувствовать. Артистка поднимала въ одномъ общемъ порывѣ весь театръ. „Это талантъ! настоящій талантъ, талантъ сердца!" — говорили и писали про исполнительницу Лизаветы въ „Горькой судьбинѣ". Вслѣдъ затѣмъ такой же успѣхъ выпалъ на ея долю въ роли Катерины въ „Грозѣ" Островскаго.

Эта актриса, начавшая свою карьеру съ выношенія подносовъ на сцену четырнадцатилѣтнею дѣвочкою и добившаяся затѣмъ славы одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ актрисъ, была Пелагея Антиповна Стрепетова.

Достигнувъ не только талантомъ, но и упорнымъ трудомъ славы, она съ одинаковымъ успѣхомъ выступала въ Москвѣ, Петербургѣ и провинціи и вездѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, пожинала лавры, какъ выдающаяся артистка.

Играла она почти исключительно въ русскихъ пьесахъ, и репертуаръ ея составляли преимущественно драмы Островскаго, Писемскаго и Потѣхина.

«ПЛАНЕТА».

Въ придворномъ спектаклѣ, въ Эрмитажномъ театрѣ въ Петербургѣ, 29 января 1790 г., давали нынѣ забытую оперу „Діанино древо", въ которой, между прочимъ, есть небольшая роль Амура.

Для исполненія этой роли была назначена одна изъ воспитанницъ Театральнаго училища.

Когда на сцену вышла, одѣтая Амуромъ, стройная, черноволосая, съ живыми и быстрыми глазами, выразительнымъ лицомъ, граціозная молодая дѣвушка и запѣла съ необычайною нѣжностью, красотою и мощью довольно трудную арію—публика пришла въ восторгъ.

— Кто эта молодая артистка?—спросила сидѣвшая въ первомъ ряду императрица Екатерина II директора театра Соймонова.

— Это воспитанница Театральнаго училища,—отвѣтилъ тотъ.

— Ученица? —переспросила государыня.—Я никогда не подозрѣвала, что въ Театральномъ

училищѣ имѣются такія замѣчательныя ученицы. Позовите ее, я хочу ее поздравить.

Елизавета Уранова-Сандунова.
(Съ старинной литографіи).

Спустя нѣсколько минутъ смущенный Амуръ стоялъ передъ императрицею.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила государыня.

Юная артистка такъ растерялась, что не могла вымолвить своей фамиліи.

— Ты явилась на сцену точно планета Уранъ, которую ученые недавно отыскали совершенно случайно,—сказала ласково императрица.—И разъ, какъ я вижу, у тебя нѣтъ фамиліи,—прибавила государыня,—то отнынѣ ты будешь называться въ честь этой кометы „Уранова“.

Такъ началась оперная карьера одной изъ самыхъ выдающихся пѣвицъ временъ императрицы Екатерины II, по волѣ государыни получившей театральную фамилію Урановой.

Настоящая ея фамилія была Ѳедорова. Она была дочь небогатыхъ родителей, родилась въ Петербургѣ въ 1777 году и уже въ очень ранніе годы стала проявлять удивительный слухъ и способности къ пѣнію. Когда дѣвочкѣ пошелъ девятый годъ, родители повели ее въ Театральное училище, куда принимали тогда безплатно дѣтей, проявлявшихъ музыкальныя способности, чтобы сдѣлать изъ нихъ впослѣдствіи артистовъ и артистокъ. Юная Лиза Ѳедорова была принята въ числѣ первыхъ. Учителемъ ея былъ по драматическому искусству знаменитый актеръ Дмитревскій; уроки же пѣнія давали—придворный капельмейстеръ Мартини и учителя - итальянцы Паэзилло и Сарти. У юной ученицы оказался прекрасный голосъ mezzo-soprano, рѣдкой силы и красоты. Когда рѣшено было поставить въ придворномъ спектаклѣ оперу „Діанино древо“ и для исполненія роли Амура потребовалась молоденькая дѣвушка-пѣвица—выборъ палъ на Ѳедорову.

Дебютантка, выступившая съ такимъ успѣхомъ,

стала сразу любимицей публики и двора. Императрица очень благоволила къ ней, интересовалась ея успѣхами. Когда, спустя годъ, Ѳедорова окончила Театральное училище, государыня велѣла зачислить Ѳедорову-Уранову въ труппу сразу съ довольно крупнымъ жалованіемъ.

Но тутъ для молодой артистки начались непріятности. Она, еще ученицей Театральнаго училища, посваталась съ артистомъ придворнаго театра Силою Сандуновымъ, котораго полюбила съ пыломъ молодости, и ждала лишь окончанія курса, чтобы обвѣнчаться. Но всесильный въ то время кн. Безбородко рѣшилъ воспрепятствовать браку, и тогдашніе директора театровъ Соймоновъ и Храповицкій, желая угодить князю Безбородко, исключили жениха юной пѣвицы изъ труппы. Ѳедорова-Уранова рѣшилась искать защиты у императрицы. Зная, что ее такъ легко не допустятъ во дворецъ, она прибѣгла къ очень оригинальному способу, чтобы обратить вниманіе Екатерины. Исполняя роль Дуняши во время первой постановки оперы „Ѳедулъ съ дѣтьми", Ѳедорова по окончаніи одной аріи, по содержанію своему отчасти подходившей къ данному случаю, вдругъ пала на колѣни и протянула руку съ просьбой къ императорской ложѣ, гдѣ находилась Екатерина II, и продекламировала:

Милосерда королева!
Не имѣй на насъ ты гнѣва,
Что тревожимъ твой покой;
Жалобу тебѣ приносимъ
И усердно, слезно просимъ:
Насъ обидѣлъ баринъ злой!

Прочитавъ просьбу, императрица позвала къ себѣ въ ложу Өедорову, внимательно выслушала ее и немедленно смѣнила обоихъ директоровъ; юной же артисткѣ не только разрѣшила бракъ, но и наградила богатымъ приданымъ и приказала, чтобы вѣнчаніе происходило въ придворной церкви.

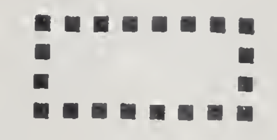
Ставъ женою Сандунова, молодая артистка стала уже выступать подъ фамиліею мужа. Успѣхъ ея росъ изъ года въ годъ.

Императрица Екатерина не пропускала ни одной оперы, въ которой выступала ея любимица и часто передъ спектаклемъ повторяла:

— Посмотримъ, чѣмъ насъ обрадуетъ сегодня наша планета.

Прозвище „планета“ осталось за Сандуновой до самой ея смерти, послѣдовавшей въ преклонныхъ годахъ, въ 1832 году.

Въ теченіе 33-лѣтней сценической дѣятельности Уранова-Сандунова исполнила 320 ролей, восхищая своихъ слушателей и замѣчательнымъ голосомъ, и удивительною игрою. Особенный успѣхъ она имѣла въ русскихъ операхъ и изъ русской народной жизни. Благодаря Сандуновой публика впервые услыхала на сценѣ родные русскіе мотивы въ мастерской передачѣ, полной огня и воодушевленія, невольно передававшихся и слушателямъ.

ПИСАТЕЛЬНИЦА-КАЛѢКА.

ПРИРОДА обидѣла ее физически: она родилась безъ лѣвой руки и только съ тремя пальцами на правой. Къ тому же, въ нѣжномъ возрастѣ, двухъ лѣтъ отъ роду, она лишилась матери.

Природный недостатокъ и тяжелое сиротство, безъ материнской заботы и нѣжной ласки, рано заставили ее почувствовать печальное положеніе, и запечатлѣли въ сердцѣ ея вѣчную грусть, но не могли заглушить ея выдающихся способностей.

А эти способности проявились у нея очень рано: на шестомъ году, почти шутя, при помощи своей бабушки, она научилась читать, а писать выучилась сама, потому что бабушка, въ виду физическаго недостатка своей внучки, не рѣшалась приступить къ обученію этого предмета.

Любознательная дѣвочка-калѣка и сирота рано стала обнаруживать любовь къ чтенію и перечитывала безъ разбора всѣ книги и журналы, какіе только находила въ домѣ бабушки.

Такъ прошли первые ея годы, до 13-лѣтняго возраста, когда она переѣхала жить къ теткѣ, которая позаботилась дать племянницѣ нѣкоторое образованіе, ознакомила ее съ французскимъ языкомъ, элементарными свѣдѣніями изъ исторіи, географіи и т. д.

Пятнадцати лѣтъ ее отвезли въ Кострому и помѣстили въ частный пансіонъ для дѣвицъ. Тутъ то она вскорѣ обнаружила недюжинныя дарованія и любознательность. Особенный интересъ для нея представляли уроки русскаго языка. Когда пансіонъ за недостаткомъ средствъ закрылся, она отправилась въ Ярославль, къ отцу, который пожелалъ, чтобы дочь его дома продолжала занятія по словесности, и съ этою цѣлью пригласилъ молодого преподавателя Перевлѣсскаго (впослѣдствіи профессора Александровскаго лицея, пріобрѣвшаго извѣстность своими трудами по русскому языку и словесности). Молодой учитель и его ученица влюбились другъ въ друга, но отецъ ученицы и слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ бывшимъ семинаристомъ и бѣднымъ педагогомъ. Кроткая дѣвушка безпрекословно покорилась волѣ отца и, разставшись съ любимымъ человѣкомъ, все свое горе стала изливать въ нѣжныхъ, полныхъ грусти стихотвореніяхъ, а затѣмъ въ романахъ, мотивомъ которыхъ служило—оплакиваніе любви, задушенной въ расцвѣтѣ, воспоминанія о любимомъ человѣкѣ и смиренное преклоненіе передъ судьбой...

Выражая свои думы и чувства въ стихахъ, она прочитывала ихъ только своей подругѣ,

двоюродной сестрѣ, живущей въ домѣ ея отца. Случайно какъ-то отецъ узналъ о стихотворствѣ своей дочери, серьезно отнесся къ произведеніямъ ея творчества, рѣшился дать ходъ ея

Юлія Валеріановна Жадовская.

дарованію и съ этою цѣлью отправился съ ней въ Москву и Петербургъ, гдѣ они познакомились со многими писателями. И вскорѣ ея стихи, а затѣмъ романы стали появляться на страницахъ журналовъ и были встрѣчены очень радушно.

Такова исторія жизни одной изъ извѣстныхъ русскихъ писательницъ, поэтессъ и романистокъ, Юліи Валеріановны Жадовской, полное собраніе сочиненій которой составляетъ десять довольно объемистыхъ томовъ.

„Боролась я долго съ суровой судьбой, душа утомилась неравной борьбой!"—говоритъ Жадовская въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. И дѣйствительно, судьба сурово отнеслась къ печальной дѣвушкѣ-калѣкѣ, одно лишь давъ ей утѣшеніе, что ея жизнь не пропала даромъ, что ея стихотворенія много-много лѣтъ читаются любителями поэзіи, въ особенности однако тѣми несчастными, которые въ стихахъ Жадовской находятъ какъ бы эхо собственныхъ своихъ горестей и страданій...

Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія, вотъ, по мнѣнію Добролюбова, главныя достоинства стихотвореній Жадовской.

Прошло уже больше 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жадовская стала печатать свои стихотворенія (она родилась въ 1824 г., скончалась въ 1883 году), но и до сихъ поръ во всѣхъ сборникахъ стихотвореній русскихъ поэтовъ встрѣчаются ея задушевные стихи.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

Среди молодыхъ дѣвушекъ, дочерей сановниковъ и другихъ знатныхъ лицъ, приглашаемыхъ ко двору императрицею Елизаветою Петровною, во второй половинѣ XVII вѣка обращала на себя общее вниманіе четырнадцатилѣтняя дочь извѣстнаго въ то время писателя, издателя журнала „Трудолюбивая Пчела“ и директора перваго петербургскаго театра, Сумарокова, Екатерина Александровна.

Почти всегда, на придворныхъ собраніяхъ, молодая дѣвушка вела оживленныя бесѣды съ знаменитыми учеными, писателями и общественными дѣятелями того времени, какъ Ломоносовъ или Шуваловъ, которые очень охотно разговаривали съ ней, удивляясь ея уму и знаніямъ.

Другія знатныя дѣвушки, бывавшія при дворѣ, сторонились Екатерины, боялись въ ея присутствіи сказать лишнее слово, не желая стать въ ея глазахъ смѣшными своими наивными разговорами о городскихъ сплетняхъ, модныхъ нарядахъ или

придворныхъ интригахъ, въ то время какъ она всегда говорила о поэзіи, о литературѣ.

— Умница, удивительная умница Катенька Сумарокова!—отзывался часто Ломоносовъ.

Дѣйствительно молоденькая Сумарокова рѣзко отличалась отъ другихъ дѣвушекъ: не по лѣтамъ образованная, начитанная, понятливая, она свободно могла вести разговоръ на разныя темы съ самыми серьезными людьми, чего никакъ не въ состояніи были дѣлать ея сверстницы.

Отецъ очень гордился своею „Катенькою“, которую онъ, когда она была еще совсѣмъ маленькою дѣвочкою, самъ училъ грамотѣ, письму и стихотворству (или „піитикѣ“, какъ тогда говорили). Понятливая, способная дѣвочка охотно усвоивала все то, что ей передавалъ отецъ-учитель.

Подъ вліяніемъ этихъ уроковъ у Катеньки явилось желаніе самой начать писать стихи. Но когда она показала первые опыты своего пера отцу, тотъ возмутился.

— Къ дѣвицамъ это нейдетъ!—говорилъ онъ.— Благовоспитанная дѣвица можетъ восторгаться стихами, можетъ учить ихъ наизусть, но только самой сочинять, да еще амурные стихи,—это просто неприлично!

Самъ писатель, Сумароковъ принадлежалъ, однако, къ поколѣнію, которое считало, что женщина — особое существо, для котораго недопустимы многія занятія, свойственныя, какъ онъ думалъ, однимъ мужчинамъ. Къ числу такихъ

„занятій“ Сумароковъ причислялъ и стихотворство. И въ то время среди русскихъ женщинъ, дѣйствительно, не было еще ни одной писательницы.

Но Катенька не могла удержаться и продолжала „сочинять“ стихи тайкомъ отъ отца.

Стихи молодой дѣвушки, какъ нѣчто новое, небывалое въ Россіи, стали обращать на себя вниманіе—и въ обществѣ, и при дворѣ.

Въ числѣ другихъ лицъ, обратившихъ вниманіе на стихи Катеньки Сумароковой, былъ извѣстный тогда писатель Княжнинъ. Онъ сблизился съ юной поэтессой, сталъ заниматься съ ней литературою, читалъ ей и свои, и чужія стихотворенія, тихонько отъ отца поправлялъ ей ея собственныя произведенія, которыя дѣвушка, при его содѣйствіи, и печатала въ издававшемся тогда въ Петербургѣ журналѣ „Трудолюбивая Пчела“. Печатала Сумарокова эти стихотворенія безъ подписи и отецъ долго не зналъ, кто авторъ помѣщавшихся въ издаваемомъ имъ же самимъ журналѣ стиховъ и пѣсенъ, къ которымъ извѣстнымъ тогда композиторомъ Раупахомъ была даже сочинена музыка. Узнавъ о „продѣлкахъ“ дочери, онъ очень разсердился и потребовалъ, чтобъ впредь Катенька, по крайней мѣрѣ, раньше чѣмъ написать что-нибудь, совѣтовалась съ нимъ и чтобъ она сочиняла всегда эти стихи отъ лица мужчины, дабы никто не могъ заподозрить, что это произведенія дѣвичьяго пера...

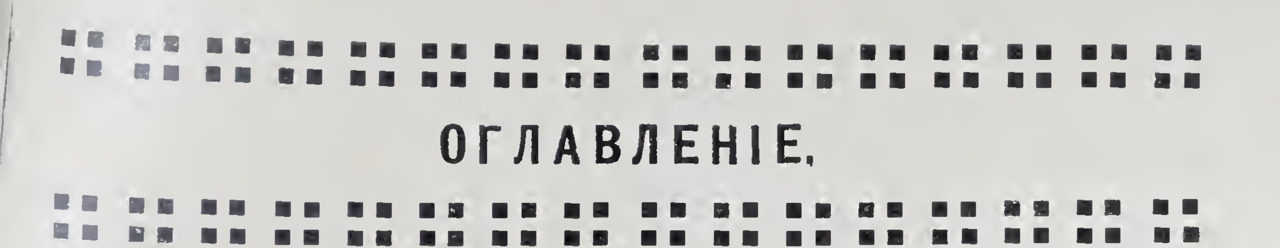
Этотъ „запретъ“ отца еще больше увеличилъ

славу юной Сумароковой въ обществѣ и усилилъ интересъ къ ея произведеніямъ.

Вскорѣ Сумарокова вышла замужъ за Княжнина—того самаго, который такъ поощрялъ ея литературныя занятія—и уже стала писать „безъ контроля“ со стороны отца.

Изъ-подъ пера Сумароковой не вышло, правда, ни одного крупнаго, выдающагося произведенія, тѣмъ не менѣе нельзя не вспомнить объ этой первой русской писательницѣ, ставшей писательницей уже въ ранніе, дѣвичьи ея годы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LUX
LIBERTAS